

СЕЗОН КОЛДОВСТВА

КОНСТАНТИН
НОРМАЕР

Annotation

Свободный ветер способен изменить многое, но только не судьбу одиноких странников. Он просто задает направление для их следующей цели, — и паломники отправляются в путь. Они не воины справедливости, а всего лишь гости в суровом мире, где властвует истинное колдовство. Именно оно порождает смерть и хаос, которые способны уничтожить все сущее. Все, кроме неведомых посланцев. Их цель — новый порядок на этой забытой всеми космическими ветрами планете.

Сезон колдовства

Сезон колдовства Konstantin Normaer

ЧАСТЬ 1 ШАГ К ОСОЗНАНИЮ Встреча у перепутья

ЧАСТЬ 1 ШАГ К ОСОЗНАНИЮ Встреча у перепутья

Анотация: Свободный ветер способен изменить многое, но только не судьбу одиноких странников. Он просто задает направление для их следующей цели, и пегасы отправляются в путь. Они не воины справедливости, а всего лишь гости в суровом мире, где властвует истинное колдовство. Именно оно порождает смерть и хаос, которые способны уничтожить все сущее. Все, кроме неведомых посланцев. Их цель — новый порядок на этой забытой всеми космическими ветрами планете.

Начало

В самый предрассветный час яркая звезда стремительно приближалась к земле навстречу своей судьбе, которая на этот раз не сулила посланнице ничего хорошего. Вытянувшись в тонкую линию, звезда миновала плотные слои атмосферы и устремилась в самое сердце диких земель. Туда, где невозможно повстречать случайного путника. Даже одичалые племена здесь большая редкость. Никто не желает селиться среди дремучих лесов и горных утесов. Днем здесь дуют пронизывающие ветра, а палящее солнце делает кожу смуглой, словно печеное яблоко. Но в ночной час все меняется: проливные дожди прогоняют невыносимую духоту, погружая мир в тревожное царство мрака. Достаточно хорошенько прислушаться и можно различить прожорливый хруст. Это мохноногий зверь, не страшась света луны, выходит на кровавую охоту. Дикая местность, покинутая старыми богами! И лишь сумасбродные авантюристы все еще забредают сюда в поисках несметных сокровищ. Тонкая лиловая струна соединила небо и поверхность земли. В один миг шар приземлился на поверхность, и яркая вспышка озарила округу. А вслед за ней пронеслась невидимая волна. Пригнув деревья к земле, она разметала дремучий бурелом словно щепки. Ночной мир встрепенулся и ожил. Беспokoйный клекот, уханье и жалобный писк наполнили дремавшую чащу. Даже глуховатый сыч-обертышь, предвестник беды, подал голос, и поспешил убраться восвояси. Никто не желал связываться с непрошеным гостем. Землю тут же накрыл густой туман. Шипя, будто стая змей, он быстро опутал лощину непроглядной паутиной. Теперь шар не источал свет, а лишь поблескивал металлическими боками. Вращаясь вокруг своей оси, он наконец остановился. Станный сигнал сложился в некую мелодию, которая возвестила о прибытии. И внезапно прекратился. Мир погрузился в тишину. Туман осел на землю, оставив после себя лишь пустое пространство: ни поваленных деревьев, ни огненной борозды, только плотный настил из мелких округлых камней. Еще секунда, и капсула открылась, выпустив наружу двух пришельцев. Обычные люди в длинных плащах и широкополых шляпах. Они отряхнулись и выбрались на землю. Поправили свое снаряжение и быстрым шагом углубились в лес. Как только путники отошли на безопасное расстояние, шар вновь закрутился на месте и, превратившись в яркую иглу, направился обратно к бледному поясу созвездий. Пришельцы проводили капсулу коротким взглядом и зашагали к развалинам старой, изъеденной временем церквушки. Там их ждали лошади. Отвязав их, люди сверились с картой и двинулись в путь — в земли граничного подданства Руаны.

ЧАСТЬ 1. ШАГ К ОСОЗНАНИЮ Встреча у перепутья

Здесь мир казался мне неким отражением в кривом зеркале. Дождливую осень тут

сменяло душное лето, после которого наступала промозглая зима. Все ни как у людей. Впрочем, и людьми местных поселенцев можно было назвать с большой натяжкой. Нет, внешне они, конечно, выглядели также, как и мы с вами, а вот по своей сути были совершенно иными. И дело было вовсе не в отсутствии грамотности и нежелания принять научный прогресс. Их помыслы были направлены лишь в одну сторону. Ненависть — вот какая движущая сила таилась в каждом обитателе этой планеты. Неважно, знатного ты рода или простолюдин. Отсталый мир, мать его! Застрявший в одном положении и словно упрямый мул топчущийся на месте. Именно по этой причине мне и хотелось послать все к чертям и вернуться обратно на Сферу. Только ведь, долг платежом красен. Слишком многим я обязан этой упрямой и неуступчивой планете. Вот и отдаю потихонечку взятое когда-то взаймы. Год за годом, столетие за столетием. — Дядя, глянь, там что-то впереди? — указала Нера на самую кромку горизонта. Я присмотрелся. Вдали, возле извилистого тракта, мелькнула размытая тень. И ведь не разберешь толком, что именно померещилось. А всему виной этот проклятый дождь. Привязался, зараза! Были в Бризе — он лил там, перебрались в Гатчу — подкараулил на новом месте. В общем, не к добру он, ох не к добру. А если мы и в Емени повстречаем непогоду, то, руку даю на отсечение, здесь замешан Черный чтец. Ну или на худой конец — деревенская ведьма. Впрочем, хрен редьки не слаще. Это только в старых книжонках любят сочинять, будто погодники самые слабые из порождений сумрака. Как бы не так! Колдун, который умеет обращаться с воздушными величинами, опасный противник. — Револьвер спрячь, он тебе пока ни к чему, — обратился я к племяннице и, потянув вожжи на себя, заставил коня остановиться. Тот сделал это вполне послушно. Видимо, нутром почувствовал мраковоплемя, вот и начал фыркать налево и направо, как дикобраз. — А может быть, ослепляющий хлыст? — предложила Нера. — Тебе лишь бы «запретное» использовать, — пожурил я ученицу. — Лучше воротник повыше натяни, а то в самой колдунью узрят. Что тогда делать будем? — Из карабина жажну, — не без иронии заявила она. — Я тебе дам, из карабина! Всыплю по первое число, тогда узнаешь, как ограничениями пренебрегать. Ну что с ней поделаешь. Первый раз на Тайнвиле, вот и лезет во все бочки. А затычкой, между прочим, быть еще не научилась. Да и внешность у Неры очень даже примечательная. Для здешних охотников на ведьм, которых кличут противоборцами, прямо лакомый кусочек. И угораздило же ее уродиться голубоглазой и с рыжими волосами. Тут с такими приметам на каждом кордоне будешь ответ держать. И это в лучшем случае. На окраине подданства народ темный, непросвещенный. Узрят мою спутницу без шляпы и ворота, объясняй потом каждому встречному, что не умеет она варить детский жир и не обучена читать над могилами серые заклятия. А с другой стороны, трудности только закаляют. Хотя помнится, я раза два ее предупреждал и предлагал перекраситься. Но она же гордая, не захотела, недовольно фыркнула в ответ и все тут. Ну вот теперь пускай на собственном опыте почувствует, каков он — пронизанный подозрениями и жестокостью Отсталый мир. Тут маму зови — не дозовешься, да и робот-помощник на выручку не придет. Здесь из любой ситуации нужно выпутываться самому. И если ступил на тяжкую стезю перегринна, так не сворачивай с нее. А если свернул, на Сфере лучше об этом языком не трепать, хуже будет. Ну не любят у нас на спутнике выскочек. Все знают, Тайнвиль не сахар, а все одно прутся. И ведь хорошо, если опыта накопить или себя испытать. Так ведь нет — летят за звонкими кредитами и всевозможными привилегиями. Хотя надо отдать должное, моя племянница не такая. Вернее, сначала была такой, а потом, поговорив со мной и посмотрев видео-слайды, многое переосмыслила, поняла. По крайней мере, очень на это

надеюсь. За размышлениями я не заметил, как мы оказались у развилки. Не совсем удачное место для остановки, но мы были вынуждены ее совершить. Путь указатель, выпав из лунки, уткнулся прямехонько в землю. А возле него, прижавшись к огромному валуну, сидела девочка. Обхватила себя руками, голову прижала к коленям и дрожит. Совсем еще крохотная, лет шести, не больше. Нера ловко спрыгнула с коня, подбежала к озябшему ребенку и накрыла ее пончо. Дождь еще слегка моросил, но в целом погода шла на лад. Отпустила нас «ненастная икота» — так тут привыкли называть всевозможные несчастья, причем все подряд, начиная от сглаза и заканчивая смертельным наговором. — Откуда ты здесь взялась? — поинтересовалась Нера. — Мама... дом... одна... — жалобно раздалось в ответ. Ученица укутала ребенка получше. — Ну что, согреваешься? Девочка лишь кивнула. Да и что она еще могла сказать: одна, на перепутье, в окружении старых коряг и дорожной жижи. Я подъехал чуть ближе, но с лошади слезать не спешил. Назовите меня гребанным параноиком, и я соглашусь, но мой волчий нюх заставил насторожиться. — Нера, прошу тебя аккуратнее, — предупредил я племянницу. — Дядя, хватит, не преувеличивай размер бедствия, — отмахнулась она. — Я, конечно, все понимаю, межсезонье и все-такое. Но она же совсем еще кроха. Сейчас выясним откуда родом, обогреем, доставим до дому, а потом... — Съедем, — вставил я весьма неуместную шутку. Впрочем, юмор никогда не был моей сильной стороной. Честно сказать, я вообще не умел шутить, никак и ни при каких обстоятельствах. И если с моих уст срывалась некая острота, то напоминала она откровенное издевательство. Нера прекрасно меня знала, потому даже не отреагировала, а девочка, слава Всевышнему, не разобрала сказанное мной слово. — Я хорошо помню эту сказку, — сказала ученица. — Только здесь же реальная жизнь. — Вот именно, пустые созвездия! — согласился я. — Тут сказкой и не пахнет. А воняет ужасным подвохом. — Ну дядя, прекрати! — взмолилась Нера. — Совсем уже запугал малышку... Честно признаться, в такой поганый день вообще не хотелось ни с кем спорить. Да что там спорить, не было желаний абсолютным счетом ни на что: ни мерзнуть под морозящим дождем, ни подгонять лошадей, увязших по уши в грязи. Лучше бы сейчас устроиться в одной из придорожных забегаловок и, попивая эль, греться возле камина. Не помешала бы еще наваристая похлебка и свиная рулька в придачу. Хотя мечтать — оно, как говорится, не вредно. — И все-таки, будь осмотрительней, — продолжал я старчески бухтеть. Племянница ничего не ответила, только кивнула и взяла девочку на руки. Малышка чихнула, улыбнулась и прижалась к Нере крепче. Маленькие ручки обхватили шею, пальчики защелкнулись в замочек. С нетяжелой ношей ученица развернулась и направилась к своему коню, который первым почувал неладное. Поведя мордой, он захрапел и испуганно попятился. — Ну ничего-ничего, — подхватил я уздечку и притянул коня к себе. — Перепутье оно такое. Здесь все больше кажется. Мерещится всякое мракобесие. — Вот и правильно, наконец слышу разумные слова, — похвалила мой настрой Нера. Она приблизилась к жеребцу, попыталась усадить девочку в седло, но животное взбрыкнуло и вырвалось из-под маленькой наездницы. — Ну что ты творишь?! — не на шутку разозлилась племянница. — Не можешь удержать коня? Так знай, такие перегрины обычно передвигаются пешком, — выдал я очередную заковыристую хохму. — Пе-ре-гри-ну-у-у-у, — внезапно пропел найденыш. Так сладко, звучно, что я только успел открыть рот и мгновенно потерялся в пространстве и времени. Спеть слетела с меня довольно быстро. Безликие глаза девочки блеснули в ночи, и на ее лице проявилась зловещая ухмылка. Все, приехали! Перепутье сыграло свою роль — усыпило нашу бдительность, а затем зло клацнуло зубами. На тебе — получай! Такой засады я еще не видывал. Ведьма в

обличии ребенка! Куда катится этот гребаный мир! — Нера, беги! — выкрикнул я. Холодный игрок, пятнадцати зарядный карабин, уже грел мои ладони. Хороший калибр, вполне хватит, чтобы прочить эту мерзкую тварь. Ученица среагировала молниеносно. Но что такое человеческая проворность по сравнению со сверхъестественным даром. Испуганно откинув девочку в сторону, Нера попытался бежать. Только было уже поздно! По всем известным мне законам физики ребенок должен был плюхнуться в грязь, но здесь, на планете, правят иные двигатели мироздания. Воспарив над покореженным указателем, Белокурая бестия (а я нисколько не сомневался, что это именно она) злорадно потеряла ладони. Дождь внезапно превратился в непроглядную стену. Хлесткий, ледяной, раздражающий — он сразу же разделил нас с племянницей. Еще секунду назад я видел ее призрачные очертания, а потом раз, и все пропало. — Пригнись и не высовывайся! — кажется, это последнее, что смогла услышать Нера. Сквозь дождевую завесу донесся протяжный вой. Волки? Голодающие псы-хряки? Или еще какая-нибудь дрянь... Я был уверен в одном — твари, вызванные маленькой колдунье, так просто от нас не отстанут. Мой конь закружил на месте. Верные слуги ведьмы были где-то рядом. Я принялся вращать головой пытаясь высмотреть первую цель. Потом будет легче, чутье само сделает за тебя оставшуюся работу. А вот начало — самая важная часть схватки. Шипение и фырчанье не прекращались. И хотя в шуме дождя трудно было определить, откуда именно исходит звук, у меня все-таки получилось. Вскинув винчестер, я выстрелил вслепую. Раз, второй. Тень промелькнула совсем близко, видимо, пыталась сбить меня с коня. Но у нее ничего не вышло. Определить противника оказалось не так сложно: нечто бесформенное, размытое, словно сгусток пресловутой грязи, крутилось поблизости. И пускай мне еще не удалось «взять цель», но противостоять выродкам стало намного легче. Теперь, как говорится, я знал противника в лицо. Мне было достаточно услышать квакающий рык, чтобы понять, кого именно призвала ведьма. Плясуны были не самыми сильными тварями, однако и к слабейшим существам Сто первого порядка их не отнесешь. Весьма недолговечны, но, в то же время, невероятно проворны. Плюс ко всему, у них имелись острые шипы из веток и каменные клыки. В общем и целом, обычная смесь земли, плотных осколков и еще чего-то подобного. Когда конь вновь всполошился, заржал и попытался покинуть опасное место, я ощутил, как один из Плясунов впился мне в ногу. Чуть выше голени. Затем обхватил меня своими лапами и уже собирался вгрызться в плоть, но оружие оказалось быстрее. Холодный игрок снес противнику половину каменной башки. Конь встал на дыбы, заставив меня держать равновесие. В этот самый миг Плясуны атаковали вновь. Стремительно, дерзко, сразу с трех сторон. Наверное, любой другой на моем месте попытался бы ретироваться, покинуть перепутье и подготовиться к сражению в более удобном месте. Я же предпочел действовать в открытую. Иначе, грош цена моему умению! Черода выстрелов разрушила смелые планы нападавших раз и навсегда. Для такой сноровки надо быть не просто стрелком, а настоящим мастером своего дела. Таких я называю Виртуозами пули. Однако, в данном случае и их умения недостаточно чтобы остановить целую группу порождений мрака. Одновременно, в одну секунду. Дождь перестал также внезапно, как и начался. Спрыгнув с коня, я принялся. От Плясунов не осталось и следа. Но самым удивительным был тот факт, что я не чувствовал тошнотворного запаха ведьмы. — Нера! Нера, ты где?! — позвал я племянницу. В голове еще крутились неприятные мысли, но сердце отчего-то оставалось спокойным. У племянницы слишком сильная воля и хороший навык пребывания в чужом мире, чтобы так просто угодить в силки зла. — Нера! Нера-а-а! Дорога, перепутье, бескрайние поля... Ее нигде не было. Вот теперь я действительно начал

волноваться. Неужели я переоценил способности своей племянницы, и крохотная ведьмочка оказалась сильнее? — Ты же сам сказал, что я теперь перегрин, — внезапно раздался за моей спиной знакомый голос. Я обернулся. Растрепанные волосы, улыбка в пол лица и странный блеск в глазах. Нера держала в одной руке отрубленную голову, а в другой — огромный изогнутый нож. — Представляешь, загнала меня в лощину и попыталась завалить буреломом, — пожаловалась племянница. — Не на ту напала, — облегченно улыбнулся я. — Она просто не знала, кто мой учитель. — И то верно. Ну что, в путь? — Я легко запрыгнул на коня. — А как же гильзы? — спохватилась Нера. — Ты же сам говорил, стрелять стреляй, а убирать за собой не забывай. — Да, верно, — улыбнулся я, — мои слова. Мы избавились от следов: племянница извлекла из сумы магнитум, включила его и выставила перед собой. Гильзы воспарили над землей и присосались к устройству как пиявки. Потом пришло время костра. Придав тело ведьмы огню, мы подождали пока пламя из зеленовато-голубого станет привычного оранжевого оттенка, закопали пепел и отправились дальше. Тогда мы еще не знали, что наша первая совместная вахта превратится в самое длительное и опасное путешествие по Отсталому миру.

Услуга за грош

Услуга за грош

Низкие и кряжистые деревья казались неким подобием защитного рва. Лес вроде бы рядом, а попробуй, перешагни. Колючие кусты, поломанные ветки... Я с трудом пробрался к заросшему мхом камню. Дорожный столб, доставшийся здешней планете как незыблемое наследие предков, уже давно утратил свое прямое назначение. Потертое число «двести три», меч с клевером и скипетр с шипами — символы свергнутого рода Сквоеров, первых наместников объединенных подданств. Скромный след былой эпохи. Наверное, уже никто и не вспомнит той разбитой дороги, возле которой стоял этот каменный гигант, указывая расстояния до стен города. И тем более, останется вечной загадкой, каким-таким невероятным способом он преодолел добрую сотню лиг и перекочевал из Франквута в Кривые леса. Я снял кожаную перчатку и провел ладонью по стертым символам. Так как полагается: сверху влево, а потом справа наверх. И так ровно семь раз. Сначала камень молчал, но внезапно что-то, находящееся под землей, пришло в движение. Мы ощутили дуновение морского бриза, а затем внезапный душераздирающий рык. Ничего особенного, обычный обман, отпугивающий пытливого незнакомца. Это как собака на цепи: вроде и не покусает, но нагнав страху, на порог не пустит. Деревья зашевелились, заскрипели трухлявые пни, и где-то вдалеке заухал сыч-перевёртыш. Неужели почувствовал магию? Нет, брат. Тут дело в другом. Это самая настоящая механика, о которой вы слыхом не слыхивали. А ведь она существует! И существовала задолго до сотворения вашего дряхлого мира. Впрочем, использовать чудо техники слишком долго нельзя. Колючий туман — хитрая штука. Как только нечто вземное начинает свою работу, приводя в движение шестеренки и маховики, он тут же активизируется и уничтожает любой, даже самый защищенный механизм. Именно поэтому здесь нужно действовать быстро. Замешкаешься, и пиши-пропало, внезапная испарина сотрет изобретение в пыль. Я набрал на открывшейся панели код. Треугольная вершина поднялась, отъехала в сторону, и металлическая клешня передала мне светящийся лазуритом бублик. Самый простейший механизм, что инженеры собрали прямо на Сфере. Такой сложнее отследить, а стало быть, легче упрятать в тайник. — Ну что там, дядя? Не тяни! — засуетилась Нера. — Прекрати тарыхтеть, сейчас все узнаем, — охолодил я ее пыл. Извлек из походной сумки считывающее устройство, быстро вставил чип, сбросил информацию и вернул хранитель на место. Механизм заработал вновь и, слегка пофыркивая, принял исходной состояние — заросший мхом придорожный столб. Я насторожено обернулся. Принюхался. Посторонних звуков вроде бы нет. Даже перевертыш и тот умолк, давая свободу неугомонным соловьям. Взглянул на табло. Пусто. Абсолютный ноль. Экран выдал тоскливое троеточие и погас. — Так и должно быть? — удивилась ученица. — Хотел бы сказать «да», но не могу. — Я еще раз перепроверил, дошла ли информация до моего хранилища. Никаких сбоев. Стало быть, дело не в технике. — Но как такое возможно? — Мэтры не выходят на связь только в одном случае, — хмуро ответил я, — если их жизнь подверглась смертельной опасности. Или же наш осведомитель уже сыграл в кривой ящик. Второе, конечно, маловероятно. Но такой возможности исключать нельзя. Ученица нахмурилась и отошла в сторону. — И что же нам теперь делать? Устав перегринов строго-настрого запрещает производить личные контакты с осведомителями. — Придется немного

отступить от правил. Думаю, узнать причину разрыва связи гораздо важнее, чем соблюсти какой-то бюрократический пункт. Племянница согласилась. В ее возрасте здравый смысл всегда уступал место приключениям. Я же считал эту небольшую прогулку по чужой планете хорошей тренировкой, в особенности, когда речь идет о молодом сотруднике научного конферата. К здешнему средневековью нужно привыкать резко и безоговорочно, словно кидаешься в омут с головой. Иначе начнешь бояться собственной тени и не сможешь избавиться от этой фобии никогда. — Получается, меняем маршрут? — предположила Нера. — Немного срежем путь. Доберемся до Плимута, а там посмотрим, что к чему, — оставив короткое сообщение на экране, согласился я.

*** Город, укрывшись в широкой ложине, встретил нас мрачным промозглым ветром. Стражник на мосту привычно потребовал выданную представителями синода подорожную, подтверждающую, что мы прошли обряд Признания и не являемся слугам мрака. Изучив внимательно документ, пропустил внутрь. Впрочем, он мог не утруждать себя такой формальностью, карабин за моей спиной снимал все вопросы разом. По местным поверьям перегрины являлись нейтральной силой, и убивали нечисть скорее вынуждено, чем по приказу черноколпачных. С другой стороны, окружавшая наш орден пелена таинственности, порой рождала такие немыслимые поверья, что я бы нисколько не удивился, если бы нас не подпустили даже на порог. Страх правилам не помеха. Проще отгородиться стеной непонимания, чем подвергнуть себя опасности. Мы добрались до постоянного двора. Я кинул мальцу, дежурившему у коновязи, монету и покосился на Неру. Быт Одичалой планеты до отвращения примитивен и многих молодых перегринов, привыкших к комфорту, это сильно сбивает с толку. Поэтому я с неким волнением следил за Нерой, которая, если честно, уже валилась с ног и любое неудобство могло вызвать в ней довольно бурную реакцию. Изнутри заведение совершенно не оправдывало свое унылое название «Дремлющий путник». Посетители орала во все горло, распевали похабные песни, танцевали на круглых столах — в общем, веселились как могли. Я быстро огляделся. Все гости на одно лицо: голубоглазые, длинные темные волосы, а у тех что постарше — клиновидные бородки. Понятно, купцы из северного предгорья Лейпца. Удачно поторговали в столице и теперь, на радостях, решили немного гульнуть. А что так шумно, так и это вполне объяснимо: хоть до родных стен не так далеко, но оставшийся переход самый сложный. Дорога через Кряжистую пустошь еще никому легко не давалась. Только Обронившие разум преодолевают ее без труда, а вот все остальные осветят себя символом веры, а все одно — десять раз подумают, прежде чем вступить на проклятый тракт. Нехорошее это место. И ведь не обойдешь никак. Справа Колючая чаща, а слева тянутся Льянные болота. Так что, пусть пьют, такая смелость тоже сгодится. Мы с Нерой протиснулись в дальнюю часть зала и устроились в самом тихом месте — между выходом на задний двор и кухонной пристройкой. Запах здесь, конечно, еще тот. Понамешано всего, аж в нос бьет. А все лучше, чем среди нарезавшихся северян. — Чего изволите? — услужливо поинтересовалась дородная женщина в грязном фартуке. К полуночи она едва стояла на ногах от усталости, но постояльцы есть постояльцы, их как местных попрошаек на улицу не вышвырнешь. Мы ведь не только за ужин, а и за комнату щедрой монетой отблагодарим. — Х-м-м, а что у вас есть вкусенького? — поинтересовалась Нера. — Вкусенького? — удивилась женщина. — Ну да, что-нибудь сладкое, например, беже... — Нера, — остановил я забывшуюся племянницу. — Помолчи, я лучше сам. Принесите нам два луковых супа, парочку эля и сыр. Ученица недовольно поморщилась, но спорить не стала. Хозяйка одарила нас придирчивым взглядом и молча

удалилась. — Интересно, я когда-нибудь привыкну к местной пище? — принялась размышлять вслух Нера. — Такое ощущение, что у них любой продукт обязательно надо жарить! Без вариантов! — Привыкнешь, — уверенно заявил я. — Здесь ко всему привыкаешь. Иначе... — Иначе что?.. — Иначе тронешься умом и угодишь в приют для Несобразных. — Здесь, на планете? Фу, какое ужасное будущее ты мне нарисовал, дядя, — фыркнула племянница. — А что же ты хотела? Мы, как-никак, среди одичалых, — натянуто улыбнулся я. Возле стола кто-то громко кашлянул, и на деревянную поверхность легли две широченные лапищи. Я поднял взгляд и уперся им в кряжистого торговца. Его объемный кафтан был распахнут, и можно было без труда заметить перевязь с мечом, а также кожаный жилет с десятком метательных ножей. Но оружие использовалось явно напоказ: расположено неудобно, при необходимости трудно извлечь, никакой практичности. — Чем обязан? — равнодушно поинтересовался я у северянина. — Стало быть, ты и есть peregrin? — на нас пахнуло крепкой настойкой из куст-травы. — Да можешь не отвечать, все одно, с таким диковинным оружием тебя за лигу разглядеть можно, — икнув, он присел за наш стол, даже не удосужившись спросить разрешения. В этот момент с едой подоспела хозяйка. Быстро расставив тарелки, она толкнула в бок торговца и требовательно произнесла: — Фарен-Гат, предупреждаю, будешь приставать к нашим гостям, муж живо вытолкает тебя на улицу охолодиться! Северянин только отмахнулся: — Приставать к гостям... Изолья, ты, кажется, издаваешься надо мной! Да выпей я хоть бочку мутнянки, не осмелился бы перейти тропинку самому peregrinu... Кажется, только теперь женщина заметила мой карабин и непривычную для здешних мест одежду. — Моменраг меня подери. — Она осенила себя знаком Всевышнего и быстро убралась восвояси. — Итак, — вновь обратился ко мне северянин. — Какими судьбами в наших края, странник? Неужто совы принесли на хвосте, что в здешних подвалах завалился какая-нибудь редкая вещичка? Я пропустил его вопросы мимо ушей и не спеша приступил к еде. — Да брось! Я ведь не из праздного любопытства интересуюсь, — продолжил донимать меня Фарен-Гат. — А из какого?.. — Я резко отодвинул миску с похлебкой и требовательно уставился на здоровяка. — Что, из какого? — не понял торговец. — Из какого любопытства ты интересуешься? — спокойным до неприличия голосом спросил я. На лице северянина проступила явная озадаченность, которая слегка отрезвила его затуманенный элем разум. — Х-м-м... да не знаю я... А какое еще бывает любопытство? — Например, рискованное, — терпеливо объяснил я. Затем немного помедлил и, придвинув плошку поближе, продолжил наслаждаться похлебкой. Только сейчас северянин понял всю нелепость момента. Напряженно покосившись на мой кожаный браслет с изумрудными камнями, он нервно сглотнул и, стерев рукавом выступивший на лбу пот, осторожно прошептал: — Великодушно прошу прощения, муренмук. Видимо, хмель ударил в голову, и все-такое... Я сделал каменное лицо, но ничего не ответил. Северянин покорно ждал, пока мы закончим трапезу, а потом еще немного, когда я с наслаждением осушу кружку эля. — Чего ты хочешь, торговец? — наконец поинтересовался я. — Помощи, странник, чего же еще. Не только для себя, но и для моих людей, — он указал на толпу у себя за спиной. — Помощи? Для этой шумной компании? — Я сделал вид, что сильно удивлен. — По-моему, они не выглядят нуждающимися... Фарен-Гат кивнул и попытался объяснить: — Все это веселье, оно ведь вынужденное. А всему виной проклятый страх. Сначала он поселился в наших головах, а теперь течет в жилах каждого из нас. Поэтому я взываю к помощи, как велит книга слепого старца. Обратись — и услышан будешь! Слова торговца вызвали во мне живой интерес. Подобные вещи знали

единицы: коронованные особы, лорды-советчики или кардиналы. Любой из них, но только не торговец. Древние библиотеки уже давно стерли память о Старых богах. — И в чем же причина вашего страха? — поинтересовался я. Северянин нахмурился и нехотя произнес: — Вам, конечно, нас, простых смертных, не понять. Но мы ведь тоже жить хотим. Понимаете? — Кто же вам мешает? — А то вы не догадываетесь... Сезон Затишья к концу идет. Вновь подул ветер перемен. Мрачные девы — они теперь повсюду, как саранча, мать их вертихвостка! Что возле Лукреца весь урожай сгубили, что у Гряжца набедокурили. Понимаете, к чему я клоню? Для ведьм мы и есть этот самый урожай. Они мирный люд готовы хоть живьем слопать. А нам что делать? Как себя защитить? Я понимающе кивнул, но ничего не ответил. А торговец продолжил говорить: — Мы ведь сюда на свой страх и риск товар привезли. Шкуры, дерево, жир морского фрила. Первый раз, стало быть, попробовали. Обычно-то к портовым Фрелькам ходили и там все за полцены перекупщикам сдавали. У них, правда, никогда хорошей цены не было. А тут уж и вовсе до издевательства дошло. Говорят, моря нынче беспокойные стали, вот и предложили товар за бесценок сдать. Им, мол, и противоборцев нанимать, и у инквизиторов защитную индульгенцию выкупать. А нам-то, какой прок? Проще уж на топку товар пустить — не польза, так хоть тепло будет. — Решили тогда сами все организовать? — догадалась Нера. Торговец, кажется, только сейчас заметил мою рыжеволосую спутницу. Недоверчиво обменялся с ней взглядами, немного помедлил и все-таки кивнул. — Ваша правда, госпо... миледи, — немного растерялся он. — И ведь предупреждали нас, что Кряжистая пустошь не для праздной прогулки. Но мы, северяне, народ гордый. Старцев почитаем, а к советам прислушиваемся редко. Оружие есть, руки крепки, а старые боги чай не отвернутся. Какими же дураками мы были... — Вы что же хотите нас нанять? — уже давно догадался я, к чему он клонит. Торговец быстро кивнул: — Обратный путь все-таки... — Ты хоть понимаешь, что я перегрин! Не рыцарь в благородных доспехах или противоборец, продающий себя за звонкую монету. Прости, но в данном вопросе я тебе не помощник. — А как же наследные фолианты? — предпринял последнюю попытку северянин. — Пустой звук наподобие заднего треска, — довольно резко ответил я, поставив жирную точку в нашем разговоре. На лице торговца проступила печаль, и он принялся громко вздыхать. — Хорошо, тогда, может, хотя бы выслушаете? Совет моренмука дорогого стоит. Когда еще встретишь странника со звезд... — и не дожидаясь одобрения, принялся описывать те ужасы, что поджидали его обоз на проклятом тракте... Ну как от такого избавишься? Я сделал вид, что история мне интересна, не более того. Вокруг продолжалось веселье, а за окном осенняя прохлада навевала первые признаки скорого лета. Перепутавшиеся времена года торопились сменить друг дружку на законном посту. Легкий ветерок принес на хвосте неприятное перешептывание и мгновенно сбил с меня навалившуюся дрему. Я тут же уставился на свой браслет. Изумрудный камень приобрел темный, почти коричневый оттенок. Нехороший знак. Стало быть, «Ловец» почувствовал что-то неладное. Впрочем, я и без хитроумного механизма сообразил, какая гадина могла потревожить наш покой. И как только она сюда пробралась? Ведь стражи на западном и восточном мосту, а на севере — широководная Плакса, ее так просто не пересечешь. Торговец продолжал говорить, не обращая на меня никакого внимания, а я, воспользовавшись внезапным ревом северян, быстро покинул свое место. Переместился к окну и вдохнул теплый вечерний воздух. Из-за дальних домов повеяло гнильцой. Обычный человек вряд ли учует и поймет, откуда такая напасть, а вот у меня сразу все встало на свои места. Быстрым движением я скинул изумрудную крышку, под которой прятался четырехстрелочный компас

— медные детали, восемь сторон света и индикатор опасности в виде песочных часов. Единственный механизм, который был недостижим местной губительной испарине. Стрелки заходили ходуном — все говорило о том, что в поселение заползла ведьмина слуга или кто похуже. Я подал знак племяннице, чтобы та нашла в себе силы дослушать стенания навязчивого северянина, а сам незаметно выскользнул наружу. У коновязи было тихо. Даже слишком, учитывая, что ветер разогнал ненастные тучи, установив шаткое перемирие с непогодой. Пробравшись вдоль амбаров, я остановился на углу и осторожно выглянул из укрытия. Улица пустовала. Ни одного горожанина. Даже ночные бдящие и те попрятались в свои крохотные будки. Где располагается дом мэтра Барбары я знал не понаслышке. Скажу больше, пару раз я даже забредал к нему на чашку душистого горного отвара. И плевать я хотел на правила Исследовательского устава! Они явно писаны теми, кто ни разу не покидал свои затхлые сферические кабинеты. И как, скажите на милость, такой умелец может давать советы тем, кто проживает реальную жизнь? Здесь другой мир, а стало быть, иные правила. Ну а скудные представления о жизни Отсталой планеты у наших ученых ограничиваются одним четырехчасовым слайдфильмом. Так что, не им учить перегриня топтать чужую землю. Пробравшись вдоль широких дворов, я остановился у самого последнего. Низкий покосившийся забор, каменный дом из необработанного булыжника, черепичная крыша и колодец во дворе. Во владениях мэтра ничего не изменилось. Я еще раз огляделся, проверил компас. Стрелка притихла, но все еще показывала средний уровень присутствия. Получается, мраковоотроде где-то поблизости. Затаилось? Наблюдает? Или уже выбрала себе жертву? Ладно, разберемся... В окнах темно, никакого шума. Внезапно ноющая боль ожила в правой ноге. Нехорошее предчувствие. Ну не мог мэтр вот так вот просто взять и покинуть свое жилище. Да, конечно, старик он с чудинкой, но так возраст уже не тот... Я толкнул дверь — не заперто. Отряхнул плащ, поправил кобуру с револьвером и спокойно зашел внутрь. Скромное убранство было перевернуто вверх дном. А вот это уже совсем плохо. Такой бардак могли устроить только с одной целью. Я жадно втянул воздух, слегка прикрыл глаза. Так и есть, двое выпотрошили все шкафы и подвал, уничтожили библиотеку — главную ценность ученых мужей. Окажись Барбара здесь во время погрома, он такого бы не допустил. Впрочем, люди живут по своим правилам — за помощью к мэтру желает обратиться каждый, а если ему пособить, так дверь на замок. — Кому же ты так насолил, приятель? — обратился я к тишине, внимательно осматривая разбросанную мебель. Повсюду валялись клочки старой пожелтевшей бумаги. Такое впечатление, что в доме не рыскали, а наоборот, пытались скрыть нечто ценное. Я постарался соединить разрозненные детали, но ничего не вышло. Обрывки, части бессмысленных фраз. Непонятные расчеты, ничего конкретного. Может быть, математические исчисления? Погодные наблюдения? Или астрономические ориентиры?... Барбара прикоснулся к тайне перегринов около десяти лет назад. Его вербовал мой коллега, старший научный офицер Фирж Красик. Произошло это совершенно случайно. Мэтр исследовал подвалы одного из заброшенных монастырей на Скалистом перевале. Кажется, Обитель Первородного очищения какого-то там чего-то тут... В общем, Барбара наткнулся на запись в манускрипте, которая рассказывала о путнике и его небесном доме. Каким именно образом эта информация прошла мимо нас, неизвестно. Но в общем и целом, ученый муж решил не терять время даром и отправился напрямиком в кардинальскую резиденцию. Фирж перехватил его в последний момент, практически у самого ящика с доносами. Вербовка, если так можно выразиться, не заняла много времени. Барбара был изъят с этой планеты и направлен на нашу пересадочную станцию Иллюзион. Там, ради

новых знаний, он дал обед забвенья и получил от координатора Кварца особое поручение... Легкое пощелкивание могло быть чем угодно: захудалым сверчком, крысиными шуршанием или даже веткой, бьющей в стекло. Но именно сейчас ни одно из объяснений не подходило. Скользя к окну, я еще раз самым внимательным образом осмотрел рабочее место мэтра. В особенности несколько десятков рисунков из кругов и линий, которые образовывали странные символы, напоминающие расположение созвездий. Но это были лишь догадки. А вот правильный ответ мог дать только сам Барбара. Достав из мешочка «Пыль пустоты», я швырнул щепотку в ближайший угол. Теперь ведьма или ее приближенная точно не насторожатся, ухватив посторонний запах. Шмыгнув в тень, я быстро покинул жилище Барбары. Немного помедлил возле ближайшего дома. Значит я не ошибся. В темноте было хорошо видно, как тощая и вытянутая, словно пугало, фигура проникла в дом, и длинная полоса мрака потянулась следом за ней. Изнутри раздался леденящий душу крик, нечто среднее между вороньем карканьем и уханьем совы. Похоже, в гости к нашему мэтру пожаловала крупная птица. Сороковой, а может даже тридцать пятый порядок. Странно, очень странно. Нынешний сезон ясно дал понять, что время дочереймрака закончено, а тут уже вторая ведьма за пару дней! Похоже, что в скором времени Охотникам за мерзостью вновь придется расчехлять свое покоящееся без дела оружие.

*** К столу я вернулся также незаметно, как и исчез. Северянин продолжал нести какую-то чушь о кошмарных гренделях и псарях, а моя племянница устало дула щеки, опустошив уже вторую кружку эля. Присев рядом, я ухватил окончание истории. — ... Ну а самый опасный переход случился с нами вот здесь, — уверенно заявил торговец. — Прямо за этой грядой, — он ткнул пальцем в клочок карты, нацарапанной на воловой коже. — Нам хотя бы добраться до Рандери. Небольшой, конечно, городок, но там, в отличие от здешнего захолустья все-таки можно нанять приличного противоборца. Из паутины улиц вновь послышался птичий голос дочеримрака. На этот раз в нем сквозило непрекрытое отчаянье. А затем и откровенный гнев. Она явно осталась с носом, не найдя того, что искала. Торговец резко умолк. Испуганно сплотнул. Я заметил, как нервно затряслись его руки. Продолжить свой рассказ он так и не осмелился. Видимо страх окончательно сковал его горло. Он едва нашел в себе силы усидеть на стуле, а не кинуться наверх, чтобы запереться на засов и спрятаться под кровать. Привстав, северянин случайно задел рукой подсвечник. Пламя сразу опрокинулось на столешницу, и я едва успел смахнуть карту со стола. — Что за безумие! Я ведь уже слышал этот голос! — прохрипел торговец. — Не к добру все это. Ох, не к добру! — И приложив четыре раза указательный палец ко лбу, осенил себя знаком Горных покровителей. В отличие от местного люда, северяне редко сталкивались с мраковымотродьем. В горы ведьмы не лезли. Бесполезно. Деревни все крохотные, расположены либо высоко среди острых хребтов, либо у подножия Ледяного моря. Только одноглазые великаны забредали в затерянные среди снежных вершин юрты. Но их северяне прогоняли огнем, а некоторых даже пытались приручить. По крайней мере, подобную теорию высказывал в лектории профессор Жишгих Кравец, пегррин первой когорты, который последние годы весьма скрупулёзно изучал быт Ветряного подданства. Протянув руку, я уже собирался передать карту ее владельцу, когда взгляд зацепился за странное обозначение в центре бедовой пустоши. Символ представлял из себя круг, который вертикально пересекал огненный меч, а в нижней части границы виднелась вспаханная земля и несколько крохотных всходов. Необычная геральдика была примечательна еще и тем, что буквально полчаса назад я видел точно такой же герб в доме мэтра Барбары. — Постой, а это что еще

такое? — Что? Где? — не понял торговец. — Вот это место, — я указал на обозначение. — Совсем рядом с каменными глыбами. Почему оно так четко обозначено на твоей карте? Руки северянина вновь задрожали, как у знатного забулдыги. — Это обозначение нанес не я, — честно признался он. На лбу его залегли неровные линии. На минуту северянин задумался, и по всей видимости, далось ему это не так просто. Я старался ему не мешать. Вспомнит или нет, это уже не так важно. Главное, у меня появилась хоть какая-то призрачная зацепка. — Напомни-ка свое имя, — попросил я. — Э-м-м... конечно же, — немного растерянно протянул торговец. — Фарен-Гат, сэ-р перегрин. — И у вас, конечно же, найдется в кармане один завалявшийся медяк, мистер Фарен-Гат? Этот вопрос заставил северянина окончательно потеряться. Он еще раз посмотрел мне в глаза, словно пытался угадать, правильно ли все понял. И решив рискнуть, осторожно протянул монету. — Я принимаю вашу службу, на время и расстояние, которое выберу сам. Обещаю разделить с вами дорогу и опасности. Зло и добро. Потери и находки. Победу и поражение. Согласно договору сто первого порядка. — Согласно договору, — одними губами повторил торговец. Видимо, он еще никогда не слышал клятв перегрин. Да и откуда. На этой Отсталой планете считают, что мы пришли к ним из иного мира. Если бы они только знали, насколько недалеко от истины.

Опасное благородство

Опасное благородство

Опасное благородство

Покинув Плимут, мы взяли путь на северо-запад и уже через пару миль увязли в пустынных землях Прибрежного подданства. Унылый, однообразный пейзаж — выжженная трава, карликовые деревца и пронизывающие ветра. Под палящим солнцем подобный климат губителен даже для самого выносливого путника. Жажда заставляет тратить запасы воды быстрее, чем разум осознает, что надо быть более бережливым. Под ногами похрустывал твердый солончак. Пустая земля, без единого намека на жизнь. Лишь расплавленный воздух рождал на горизонте иллюзию водяного обмана. Караванщики считали это происками ведьм и торопились быстрее оказаться у побережья, где морской воздух охолодит нервы, а беспокойный горизонт развеет настороженные мысли. Возле извилистого тракта поселений было немного. Всего пара случайных домов, да и те, в основном, оставлены на растерзание старым богам. Жители пустоши перебирались дальше на восток, к новым колониям и каменоломням ракушечника. Отличный строительный материал и добывается легче белого песочника. Выпилил, да тащи наверх. От северянина я также узнал о вольных рыбаках. Они населяли западный берег Моря Клыкков, прозванного так за неуступчивые берега, о грозные скалы которых разбилась не одна сотня торговых галер. Впрочем, выбора у местного люда особо и не было. Море оставалось единственным источником для пропитания. Возделывать земли, где сплошной солончак, все равно что пытаться выжимать из камня воду. Хотя, как раз из ракушечника это было сделать не так сложно, но все одно бессмысленно. — А что рассказывают здесь о мраке? — поинтересовался я у торговца. Вздрогнув, тот покрепче обхватил удила и оглянулся с опаской. Лишь после ответил: — Правит здесь наместник Фрогл-Би-Флокс. Правда, от него тут мало толку. На самом деле, это владения некой кривоногой Мораи, кажется, так ее кличут в простонародье. Это только глашатаи трубят во всеуслышание, будто подданство избавили от мраковой заразы. Но мы-то знаем, как обстоит оно на самом деле. — И какого же порядка эта тварь? — поинтересовался я. — А никакого, — выпучил глаза северянин. — Сколько ни заглядывал я в «Фолиант слепца», так и не смог отыскать чего-то похожего. Ни по признакам, ни по умениям. Даже проводник у нее особенный, безмянный. Когда мы готовились к походу, я перерыл все работы Гурта Пытливового. Никаких упоминаний... Меня редко могли удивить подобные страхи. Все-таки, достаточно я повидал на этом свете. Встречался с крикунами, которые охотились на первых поселенцев востока, восседал за одним столом с великими мудрецами западного предела, даже противостоял чарам пытливых духов. Но северянину действительно удалось меня заинтриговать. И надо заметить, второй раз за столь короткий срок. Я хорошо помнил Юджина Обреченного. Хотя у него было бесчисленное количество имен, но именно простой люд нарек его просто Слепцом, что создал великий по своим масштабам труд. Он сумел объединить все разновидности ведьм, разбив их на порядки и классы. Получилось ровно сто ступеней, и еще одну он приберег для неизвестной сущности. Именно она, по его мнению, и являлась основоположником мрака. А началось все много лет назад по дороге в Ершень... Во время нашей первой встречи я не проявил к мэтру особого интереса, но его острый ум и изрядная настойчивость заставили изменить мнение и приоткрыть ему путь к тайнам бытия. Помню, мы часами могли беседовать возле стеклянной обсерватории Брайнвеля, глядя на

бесконечные мириады звезд. Во время одной из таких бесед Юджин и предложил мне создать единый атлас ведьм. Может быть, именно эта книга и поможет раскрыть истинную природу их сотворения, — сказал тогда мэтр. И я с ним согласился. Тогда мы еще не знали, что впереди нас ждет новый сезон. Сезон Истребления. Комиссия Сферы утвердила проект «Каталог», и начался кропотливый сбор информации, для чего были привлечены все действующие перегрины, а также мэтры-ученые и просто случайные помощники. Работа заняла более десяти лет, после чего и появился толстенный фолиант. Три тысячи полноценных страниц содержали наиболее подробную информацию обо всех видах потусторонних существ и их властительницах. Нам удалось практически невозможное: синхронизировав около семисот тысяч донесений от пяти тысяч изыскателей, мы добились желаемого результата. Именно так и появился Атлас сто первого порядка. Он включал в себя абсолютно все разновидности ведьм — от самых безобидных, до невероятно опасных. — Как я вижу, ты слишком хорошо осведомлен в данном вопросе для торговца, — как бы промежду прочим отметил я. Северянин поклонился: — Я расцениваю это как похвалу, муренмук. Но когда узнаете мою историю, то поймете, что в этом нет ничего удивительного. До того как попасть в торговую гильдию, я ходил в подмастерьях у мэтра Фрисби Въедливого. Он был первым знахарем в местечке Кваерс, что у дальней оконечности Кривых гор. — Никогда о нем не слышал, — честно признался я. — Оно и понятно, — кивнул Фарен-Гат. — Население этого местечка настолько мало, что его название не отыщешь даже на карте подданства. — Как же в это захолустье занесло твоего мэтра? Не у каждого городка есть ученый муж, а тут крохотная деревенька... — Ваша правда, странник. Я тоже задавался этим вопросом. Но как узнать правду у человека, который дал обет молчания. Но если честно, однажды мне хватило смелости начертать его на клочке бумаги... и оставить на видном месте. — И как же мэтр отреагировал на твое послание? — Да ничего вразумительного, — вздохнул северянин. — К тому времени старик уже страдал скудоумием, и его все чаще посещало коварное забвение. — И все-таки, у него нашлось какое-то объяснение? Слово или, может быть, целая фраза? — настоял я. — Безусловно. Только ответ я обнаружил уже после его смерти. Он написал следующее: порой истина не так сладка, какой тебе представляется в начале служения науке. И еще: когда я ее постиг, то незамедлительно решил оставить привычный мир и дожидаться возвращения Старых богов здесь — в отдалении от великого противостояния. Я кивнул и задумчиво уставился на пыльную дорогу. Старик не был безумцем, отнюдь. Просто его знания об этом мире выходили за привычные рамки. Допускаю, что в прошлом он являлся либо изыскателем, либо вечным странником, который, как и я, спустился с небес на транспортной капсуле. В этом мире и не такое возможно! Случается, что даже перегрины теряют разум и в обход инструкций остаются на планете. Здешний мир умеет не только отталкивать, но и сцапать в теплые объятия. Именно так у нас и появились Заблудшие отступники. Поначалу мы их отлавливали, возвращали обратно на Сферу и пытались излечить от странного недуга, который гнал их обратно в чужой мир. Но вскоре прекратили эти бесполезные попытки. Научный конферат придумал иной способ обезопасить себя от неугодных. Но главное, сохранить конфиденциальную информацию. Лет двадцать назад очередной Диспут ввел в обращение некое устройство, которое окрестили «саранчой». Оно вживлялось под кожу ученому археологу, и, если тот слетал с катушек и выходил из подчинения, хитроумный механизм незамедлительно приводился в действие прямо с орбиты. Поговаривали, что датчик лишь частично уничтожает воспоминания. Но я не верил в подобные байки. Если отведенный тебе отрезок планетной вахты истечет, а ты не

успеваешь добраться до точки возврата, не подав сигнал на Сферу, твоя память превращается в абсолютный ноль. Никаких навыков, познаний, ничего. Беспольный взрослый ребенок, который способен разве что дышать и бессмысленно таращиться по сторонам. Я устало потер затылок. Небольшая припухлость откликнулась мерным тиканьем. Датчик не обманешь. С начала моей двухсотой экспедиции прошло чуть больше десяти часов. Еще шесть дней и «саранча» напомнит о себе легким покалыванием. А затем начнет отсчет критического времени. Еще через трое суток стартует необратимый процесс деградации. Вчера — ты неутомимый исследователь чужого мира, а сегодня — никому ненужный «овощ». Система, которую невозможно не изменить, не перехитрить. Либо подстраивайся, либо попадешь под механический пресс жестких Сферических правил. В начале колонны кто-то взмахнул рукой, и по обозу пробежал недовольный возглас. — Ридрик-Ган объявил привал, — пояснил северянин. Я обеспокоено взглянул на зависший между солнцем и Сферой малый спутник. Останавливаться еще слишком рано. Я свистнул и подал знак не сбавлять ход. Среди северян возникло замешательство. — Что-то не так? — удивился Фарен-Гат. — Пока что нет, но одна глупость, как известно, порождает целую череду других, — резко оборвал его я. Рыжебородый здоровяк, Глава торговой гильдии уже спешил мне на встречу. Видимо, решил лично полюбопытствовать, кто это посмел его послушаться. Я был не против лично познакомиться с этим отважным олухом. Такому непроходимому барану лучше заранее, раз и навсегда, обломать рога, чем мучиться весь оставшийся путь, подвергая людей бессмысленной опасности. — Дядя, он не на шутку расвирепел, — предупредила Нера. — Ему же хуже, — хмыкнул я. Широкоплечий гигант спрыгнул с коня, в два прыжка оказался рядом со мной и, схватив уздечку, потянул моего жеребца за собой. Конь заартачился, но вскоре подчинился не дюжей силе. Северянин был огромен, и одежда под стать грозному образу: широкая кожаная куртка, поверх которой свисает шкура болотного медведя. Хороший трофей. Убить слепого шатуна, который в ночи больше напоминает призрака, чем живого обитателя гиблого места, не под силу даже опытному противоборцу. — А ну слезай, муренмук! Живо! — скомандовал рыжебородый. — Осторожнее, увалень. Я тебе не Снежный ревун, так просто не дамся, — спокойно произнес я. Глава торговцев вздрогнул и немного ослабил хватку. Воспользовавшись этим, я вырвал из его рук уздечку и отвел коня в сторону. — Привал будет сейчас! Это мое слово! — упрямо пробухтел рыжебородый. Правда уже не так уверенно. — Если желаешь смерти своим людям, можешь треножить лошадей прямо тут, я не стану возражать, — дал я свое согласие. — Но учти, ты можешь оказаться среди тех, кого новые боги решат прихватить с собой в первых рядах. Вместе с твоей потертой шкуркой! Кажется, мои слова возымели должный эффект. Напряженный взгляд Ридрик-Гана заметался по обозу. Рядом с повозками притихли взволнованные торговцы. Им хорошо была слышна моя речь, и я был уверен, что здравый смысл возьмет верх над бестолковой бравадой. — Хорошо, странник, говори. Я внимательно выслушаю тебя и лишь потом приму окончательное решение... Слышишь меня? Но учти, это не значит, что я испугался! Здесь никто не собирается потакать твоим немислимым причудам! — Именно так я и думал, — ловко спрыгнул я с коня. Наш разговор начался возле опушки, подальше от посторонних глаз и ушей. Я не собирался нагонять на рыжебородого жути. Если ему хватит ума, сам все поймет и примет верное решение. — Когда вы ехали сюда, наверняка что-то заметили? Что-то такое, отчего волосы становятся дыбом, а сердце начинает учащенно биться, предвещающая беду? — перво-наперво уточнил я. Ридрик-Ган согласно кивнул. — Твоя правда, муренмук. И мрачные тени среди редких деревьев, и непонятые завывания возле бескрайних полей... — Уверен,

что не остались незамеченными и другие признаки. Например, болезненные сгустки на деревьях, чернильные блямбы под ногами, которые больше напоминают пролитое масло, нежели смоляные залежи. — Было и такое, — не стал спорить северянин. — А на утро у вас сдохла половина лошадей, и большинство припасов прогнило. Но на этом все не закончилось, так ведь? Когда вы поднялись на холм, тот самый что у Храпящего кургана, вы узрели нечто такое, что кровь застыла в жилах. А нанятые тобой противоборцы разбежалась в панике, побросав свои доспехи прямо на дороге... Рыжебородый вздрогнул. Не ожидал он от меня подобной прозорливости. Ну что ж, это только начало. — Как в воду глядишь, муренмук. Не зря вашего брата кличут Лунными гонцами. Там, где появляется человек с драконьим оружием, жди беды. Так говорят у нас на Севере. — Не правильно говорят. Но сейчас о другом. — Я устало окинул взглядом окрестности. — Итак, я рассказал тебе то, что видел ты. А теперь послушай о том, что удалось увидеть мне за то время, что я сопровождаю тебя на тракте. Посмотри туда, — я кивнул на горное очертание. — Вон там, на возвышенности, растут зеленые карлики, те самые, что тянутся вверх на горную вершину, — я указал на можжевельник, кора которого от времени начала отслаиваться длинными лепестками. А затем на выжженную траву. — Ничего необычного не замечаешь? Северянин проследил за моим взглядом. Открыл рот, чтобы ответить нечто нелицеприятное, но осекся на полуслове. Уверен, что заметил он гораздо меньше, чем мой привыкший к проявлению мраковаследа глаз, но и этого было вполне достаточно. Подобные ловушки при свете дня можно разглядеть отчетливей, нежели ночью. Тьма обычно скрывает истину, а свет слишком честен, достаточно лишь хорошенько присмотреться. — Старые боги, помогите нам! — только и прошептал рыжебородый. Я видел, как отражаются в его глазах склизкие спины змей, которые отдаленно напоминали древесную кору. Ему даже посчастливилось различить в траве огромных слизней, что своими мерзкими клыками оставляют след из обугленных стеблей. Наверное, если бы он взглянул в небо, то и там обнаружил много чего интересного. — Это все колдовство! Проклятое колдовство! — засуетился рыжебородый. — Скажи, муренмук, я прав? — Ты сам ответил на свой вопрос. Я больше не стал ничего объяснять, а спокойно направился к коню. Северянин только развел руками: — Что, так и уйдешь, ничего не посоветовав? — Я уже сказал все что хотел. Не останавливайтесь, пока лошади не зайдутся пеной, — обернувшись, произнес я. — Лучше замучить животину, чем сгинуть самому. Иного совета у меня для тебя нет. Мои слова подействовали лучше соленой плетки погонщика. Восемь часов мы держали темп, пока непривычные для длительных переходов северяне не начали откровенно стонать. Страх страхом, а усталость притупляет все, включая основные инстинкты. Расположив лагерь полукругом, я попросил разбить ночных смотрящих на три смены. Конечно, многие предпочли бы сразу отстоять одну вахту, чем каждую ночь дробить по три часа. Но их мнение меня особо не интересовало. Какой толк вступать в бесполезные споры с теми, кто слыхом не слыхивал о Зове ведьм и, уж тем более, понятия не имеет, как противостоять Безликому искушению. Поэтому, я лично расставил посты, раскритиковав все альтернативные варианты, которые предложили торговцы. — По-моему, ты с ними слишком строг, дядя, — попыталась устыдить меня Нера. Я недовольно поморщился: — Если они не дорожат своими жизнями, это их дело. Но лично я не хочу неприятностей из-за их форменного разгильдяйства. — Неужели все так серьезно? — Более чем, моя дорогая. Теперь, наконец, и моя племянница стала менее легкомысленной. Притихнув, она насторожено покосилась по сторонам. Даже достала амулетный компас и минуту пялилась на неподвижную стрелку. И только убедившись в

отсутствии мракаследа, задала следующий вопрос: — Стало быть, дежури́м по очереди? — Иного выхода не вижу, — не став преуменьшать степень опасности, кивнул я. — Да кто же, блин, засел в этой долбаной пустоши? У тебя хоть есть какие-нибудь предположения? Ну, чего молчишь?! — А что сказать? — пожал я плечами. — Признаки очень существенные, но пока никакой конкретики... — То есть, может быть, даже тридцатый порядок? — попыталась угадать племянница. — Думаю, ступеней на пять пониже. Нера уставилась на меня с явным недоверием. — Но ведь в Срединном подданстве не осталось ни одной ведьмы ниже тридцатого порядка. Все хронисты это подтверждают. И слайдовые пособия. Я это хорошо помню, у меня по «Истории мракобесия» была твердая пятерка. И начитывали нам ее несколько семестров подряд, между прочим. — Это конечно похвально, — кивнул я в ответ. — Но только Отсталый мир нельзя загонять в привычные рамки учебного курса. Понимаешь, здесь никогда не было и не будет четких правил. — А как же сезон Тишины? — решила блеснуть знаниями племянница. — Это между прочим научно доказанный факт. За последние семнадцать циклов популяция ведьм на планете сократилась на треть. А их активность и вовсе упала до коэффициента Локрехта. Дядя, да пойми ты, время этих тварей прошло! Конечно остались еще некоторые особи... ну там всякие оборотни, грендели и вульты. Но это скорее пережитки прошлого. А поистине сильных дочерей мрака больше не существует. — А ты никогда не задумывалась, как это произошло? — задал я вполне закономерный вопрос, который обычно повергает в ступор не только преподавателей межпланетарной академии, но и всех унти-профессоров Сферы. Сотни раз его адресовали малому и большому конферату. Научной кафедре и еще бог знает каким службам и ассоциациям. Однако ответа так и не нашлось. Нет, конечно, появились десятки, а может быть, даже сотни гипотез и версий, но все они лопались как мыльные пузыри, потому что на планете не существует истины. Правда — это «да», ее тут сколько угодно. Но у каждого она своя и одна правдивее другой. А вот истина, к сожалению, если и скрыта в недрах самого мрака, то вряд ли откроется так легко. И нам впору присвоить ей статус самого редкого артефакта. — Если я не ошибаюсь, они просто поубивали друг дружку, всего и делов-то, — высказала очередное бездарное предположение Нера. — Так сказать борьба за лидерство... Я наградил ее укоризненным взглядом: — Не путай, мы сейчас говорим о людях, а не о животных. И ведьмы — это не стая клыкастых самок! — Но ведь этой теории придерживается квастер Ружнек Жан. А он, между прочим, первый помощник Министра хронологии... — ...который не провел на планете и пяти начальных вахт. — Все регалии знаменитого хвастуна тут же разлетелись в дребезги. — Нет, Нера, мнению таких как он не стоит доверять даже в самом крайнем случае. Племянница согласилась, но последнее слово все равно осталось за ней: — Скажи, а что именно ты думаешь о Вымирающем сезоне? Ты ведь провел это время здесь. Что тогда творилось в подданствах? И это правда, что инквизиция проявила себя не лучшим образом? Ведь это они устроили тотальную чистку без разбора?.. Или все было совсем не так... — Думаю, дочери мрака просто затаились, до поры до времени, и ждут более удобного момента, — сказал я и поморщился от собственных слов. Лагерь жужжал будто улей. Все обсуждали сегодняшний дневной переход. Кто-то был слегка взволнован, а иные напугано делились широтой собственного воображения. Если бы они только узнали, что стрелка моего компаса так ни разу и не пришла в движение, то сильно удивились. Впрочем, страх лучший помощник бдительности. Так что, пускай лучше трясутся от каждого шороха, чем расслабятся и угодят в смертельные силки зла. — Ложись, я подежурю первым, — подойдя к костру, я присел рядом с Нерой. Заметив ее недовольный

взгляд, спросил: — Что-то не так? — Здесь просто ужасно, — пожаловалась ученица. — Невыносимый смрад. Я будто угодила в клетку с буйволами. Они хоть что-нибудь слышали о гигиене? Я улыбнулся: — Сильно сомневаюсь. Поэтому лучше привыкай. Дремучие времена, они такие. Здесь жизнь порой ценится меньше, чем хороший сон или сытная похлебка, а благородство граничит с лицемерием. Им пока еще слишком далеко до цивилизованного общества. Хотя если честно, не вижу в этом ничего плохого. — Ты это серьезно? — Конечно! — И заметив, что одного моего согласия ей недостаточно, я попытался объяснить: — Понимаешь, все, кто населяет эту планету, кажутся мне более живыми, чем жители Сферы. — На лице Неры отразилось непонимание. И тогда я задал ей вопрос: — Скажи, что отличает простолюдина от наместника? Нера задумалась: — Ну не знаю, наверное, в первую очередь, происхождение, высокое положение, наличие тугого кошелька и бесконечных титулов... — То есть, по сути дела, ничего, — подытожил я. — А еще образование, — мгновенно добавила ученица. — Хорошо, — согласился я. — И образование. Только это ведь пустой звук. Человека без труда можно наградить громким именем, прописать ему высокородных предков, обрядить в шелка и набить его казну драгоценностями. Даже открыть ему различные премудрости не так сложно. — Согласна. И что с того? — Так вот и получается, что разница только в атрибутах. Иллюзии чего-то недостижимого. — Я дождался пока племянница переварит сказанное и продолжил: — Получается, что внутри данной системы... прости, планеты, все равны. Так? — Ну допустим, — с неохотой кивнула Нера. — А теперь возьми наше сверхсовершенное общество на Сфере и здешний люд... В чем же различие у нас? Нера призадумалась: — Ну не знаю... Самое основное это, наверное, знание. Уровень технологического развития, умение всем этим пользоваться... и еще... — И еще пустой звук, — не стал я больше мучить племянницу. — Вот что я скажу тебе. Мы все люди и никакой прогресс не изменит в нас изначального, того, что заложено природой... — Интересная позиция, — Нера поближе придвинулась к костру. — А как насчет магии... что это по-твоему такое?.. Тоже иллюзия или банальный обман? И почему испарина уничтожает нашу технику?.. Договорить мы так и не успели — с противоположной стороны, где я поставил двух дозорных и расположил перегруженные телеги, послышались встревоженные голоса. Северяне порой слишком громогласны, поднимают шум по любому поводу, а когда начинаешь разбираться, то понимаешь, что эта суета на пустом месте. Но на этот раз их беспокойство оказалось ненапрясным. Человек стоял у самой кромки дороги. Худой, трясущийся, перепачканный с ног до головы. Вид его был настолько жалким, что способен был вызвать только сострадание. И все же я усомнился в подлинности того, что увидел. Выставив вперед топоры и самодельные колья, дозорные сбились в кучу и с опаской поглядывали на жалкого оборванца. — Кто таков? Откуда родом? — заметив меня, осмелел седой торговец с широкими кустистыми бровями. Незнакомец ничего не ответил. Упав на колени, он просто тихо захныкал, закрыв лицо руками. Было видно, как его плечи мелко вздрагивают, а голова обессилено уткнулась в землю. Северяне переглянулись и медленно опустили оружие. — Кажись, досталось ему... — И не говори, жалко бедолагу... За спиной послышался напористый бас рыжебородого. Глава гильдии был тут как тут. Растолкав дозорных, он приблизился к незнакомцу и, подняв того на ноги, хорошенько встряхнул. — Хватит мокреться! Говори, кто таков? Откуда бредешь? Мне отчего-то вспомнилась недавняя стычка у перепутья. А ведь все начиналось похожим образом. — Я...они... пришли... пришли... Мы не знали... а они... спасти... Больше незнакомец ничего не ответил. Внезапно он закатил глаза и упал прямо в руки рыжебородого. — Живо к костру его! — скомандовал

Ридрик-Ган. — И тащите живительного хмеля, будем поднимать этого мальчика на ноги. Никто не посмел послушаться: все засуетились, отстранив меня в сторону. Толпа повалила внутрь лагеря, а я остался наедине со своими мыслями, догадками и сомнениями. Нера всегда умела двигаться настолько бесшумно, что я слишком поздно почувствовал ее присутствие. — Думаешь, это ловушка? — тихо спросила она. — В здешних-то местах... в этом нет никаких сомнений. Обычным совпадением тут и не пахнет. — Знаешь, а я с тобой впервые согласна. Я приподнял рассыпанную мной горстку смешенного с землей порошка. Кто бы что ни говорил, а в этом мире надо играть против правил. Иначе пропадешь! Этот оберег достался мне от АзимМурта, известного на все Южное подданство алхимика. Насколько мне было известно, он отказался стать изыскателем, но при этом всю свою жизнь посвятил борьбе с мракобесием. На излете лет он любезно презентовал мне парочку своих изобретений. Азим называл их Смеси предубеждения. Именно одним из них я и решил воспользоваться во время сегодняшней ночёвки. Рассыпав порошок на ладони, я внимательно изучил гранулы. Цвет вроде бы не изменился, как это обычно бывает при контакте с порождениями мрака, но что-то он явно в себя впитал. Что-то весьма нехорошее. Гранулы были слипшиеся, тугие. Хоть часть дороги, где я рассыпал порошок, казалась абсолютно сухой, в смеси присутствовала некая вязкая влага. — Что это может значить? — насторожилась Нера. — Не знаю, — пожал я плечами. — Но могу сказать точно, сегодня нас определенно ждет бессонная ночь. — Бессонная? — Голос ученицы дрогнул. — Да. Я стряхнул с кожаной перчатки остатки смеси и быстрым шагом направился к костру.

Игра в прятки. Начало

Игра в прятки. Начало

Игра в прятки. Начало

Незнакомец говорил складно и все по делу. Только с каждым новым словом, мое доверие к нему таяло на глазах. А вот северяне наоборот внимали каждому его слову и доверчиво кивали невпопад. История каменотеса из местечка Скрандвич-Валун, словно табачный дым, медленно покружив по округе, повисла над вечерним костром. Каменоломня, где он трудился, располагалась всего в паре лиг от нашего лагеря, на Северо-восточной окраине Высохшего плато, которое не принадлежало ни одному из подданств и считалось Свободным перешейком. Добычей там занимались все кому не лень, от богатого промышленника до притязательного наместника. Камня хватит на всех. Наш рассказчик трудился на первом, а потому, самом глубоком месторождении. Уровень за уровнем они погружались в недра земли, создавая новые этажи и пролеты. Все шло своим чередом. С поставленными задачами каменотесы справлялись, за что содержатели платили весьма щедро. Никаких тебе чужаков или сторонних нахлебников. Правда бывали дни, когда работа ненадолго стопорилась. Открывая новый, более низкий уровень, они натывались на подземных существ. Стаи копателей жили на приличной глубине и раньше редко попадались на глаза. Но со временем, то ли люди стали забираться глубже, то ли копатели решили перебраться ближе к поверхности, только столкновения между подземными жителями и каменотесами стали случаться все чаще и чаще. Маленьких зубастых тварей с огромными белесыми глазами и вытянутыми крысиными мордами еще называли Каплунами или Рытелями. А кто-то и вовсе окрестил Исчадием штолен. Когда в узких каменных коридорах каменотесы замечали маленькие сгорбленные фигурки, они незамедлительно зажигали зеленый фонарь и быстро выбирались наружу. За работу брались наемники-противоборцы. На отсталой планете еще со времен вольных наместников существовало множество кланов противоборцев. Смелые лозунги, устрашающие гербы, блестящие на солнце доспехи — по сути своей красивая обложка с пустым содержанием. В ряды наемников набирали в основном простолудинов, которые в погоне за звонкой монетой готовы были хоть к мраку в пасть, лишь бы набить тощий кошель. Ну а если повезет, то и прославить свое безродное имя. Только ведьм после четвертой великой охоты становилось все меньше и меньше, а пустобрехи, лицемеры и хвастуны в латах росли как на дрожжах. За добрый десяток лет истории о кошмарных оборотнях и чернокнижниках приобрели привкус откровенного вранья. И вскоре единственным испытанием, которое проходил наемник, поступая на службу, было его умение трепать языком, а не управляться с оружием. Мир, погруженный в опасное варево борьбы со злом, постепенно усыпил собственную бдительность и превратился в вязкое желе мирного бытия... — Сколько именно противоборцев охраняли вашу каменоломню? — поинтересовался рыжебородый. — Не больше дюжины, — задумчиво ответил пришелец. — А во главе у них стоял трехбородый Гринвуд. Мерзкий тип, вот с таким вот огромным животом. — Он выставил вперед руки и изобразил нечто невообразимое. — Но силища в нем была еще та. Мог распиленный наполовину камень одним ударом расколоть на части. И оберег у него был особенный — клык северного Скавра. Это вам не шутки. Поговаривали, что его даже одичалые ведуны стороной обходили. Он ведь если мраковомуисчадию на хвост

плюнет, так тот сразу пламенем запылает... — Чей хвост? — не понял глава торговцев. — Знамо чей, ведьмин, конечно, — пояснил каменотес. Слушатели незамедлительно взорвались пустыми спорами. — Нет и не было никогда у мраковыхсучек хвостов! — Есть и еще не по одному, а целых два! — Я сам видел... — Да откуда тебе-то видеть, ты дальше собственного носа слепец-слепцом... — Тихо, — наконец рявкнул рыжебородый и повернулся к пришельцу. — Не тяни, рассказывай дальше... Тот кивнул и бойко затараторил: — Так вот, все у нас шло своим чередом. Противоборцы гоняли каплунов, мы, знай свой дело, рубили, пилили и волокли наружу. А вечером до кухни добраться, вот и вся забота. И так было до тех самых пор пока к нам не пожаловал этот напыщенный мэтр. И откуда он только взялся на нашу голову, ума не приложу?.. — Мэтр? Какой еще мэтр? — с интересом уточнил я. — Да-да, именно что ученый муж, — подтвердил каменотес, словно и не слышал адресованного ему вопроса. А потом, почесав затылок, все-таки соизволил пояснить: — Высокий такой, грузный. Да он, когда со своей кобылы слезал, двое наших спины ему подставили, чтобы на землю не опрокинулся. Он тогда покачал головой как-то вот так... осудительно, а его квадратная шапочка с двумя кисточками так съехала на бок. И знаете что, щедрый он оказался, дал нашим молодцам по звонкой четвертушке, представляете. Шершавую монету, будь она не ладна. А потом вот так вот сдвинул густые брови и рассмеялся, словно Слепой ворчун. Собравшиеся возле костра вновь заголосили и принялись спорить, действительно ли Снежный ревун умеет смеяться или только изображает животный смех. А я тем временем задумчиво извлек из кармана перерисованный знак из дома Барбары и попытался найти хоть какой-то изъян в словах рассказчика. Конечно мэтр-изыскатель волен отправляться куда угодно. Но на край пустоши, в обычную каменоломню... В это мне почему-то верилось с трудом. А с другой стороны, запоминающаяся внешность Барбары, с такой точностью описанная каменотесом, исключала любое случайное совпадение. Из всего услышанного можно было сделать только один вывод: в этом стоило разобраться и, желательно, как можно быстрее. Спрятав листок, я уже собирался попросить рассказчика продолжить повествование, но меня опередил Ридрик-Ган. — Поправь меня, если я не прав, но разве мэтрам дозволено путешествовать по опасным пустошам в одиночестве? В ответ каменотес пожал плечами: — Да кто его знает, господин торговец. Только ваша правда, не один он пожаловал к нам погостить. Был у него спутник. Не знаю кто таков, но точно не из наших мест. Одежда на нем была странная: плащ тонкий, с высоким воротником и широкополая шляпа прям как у Пыльных скитальцев. А еще металлическая трубка с деревянной чуркой за плечами, прямо как у вашего наемника. — Скрюченный палец указал в мою сторону, заставив окончательно запутаться в этой наполненной противоречиями истории. — Вот как! Интересно, что в этих землях забыл еще один муренмук? — озвучил свои мысли рыжебородый. И по его взгляду я понял, что его вопрос был адресован исключительно мне. Только не было у меня ответа ни для него, ни для себя. — Рассказывай дальше, — приказал я каменотесу. — Именно с этих путников и начались наши беды. Неделю вроде бы все было по-старому. Возле шахт они практически не появлялись. Уезжали с рассветом и возвращались с первыми звездами. А потом что-то произошло. Мэтр этот — знатный весельчак, начал творить ворожбу. — Кто? Мэтр? Что за бред! Мэтры — ученые мужи, они не способны на такое... — Цыкнув, я вовремя остановил возмущенную Неру. — Тише, — сильнее сжал ее руку. — Давай для начала дослушаем историю до конца. — И то верно, — кивнул пришелец. — Слушайте и не говорите потом, что не слышали. Хотя, если честно, рассказывать-то особо и нечего... В общем, случилось это около полудня третьего

дня. Когда должен был прозвучать трезвон на обед, наш уровень содрогнулся от внезапной тряски. Признаться, я такого никогда не видывал, клянусь старыми и новыми богами! Земля вздыбилась так, словно сами небеса обрушились на нас. Только не сверху, а снизу. И началось такое... — Тут его губы задрожали, и он резко замолчал. Опустив голову, рассказчик словно выпал из реальности. Но спустя какое-то время заговорил вновь. — Все, кто был в моей бригаде... все, все погибли... Шныря придавило камнями, а Хрипун с Вензелем-проньрой соскользнули в разлом, только их и видели. Рычок и Гигирь с братом, Варин и Глорик-сопля сгнули под завалами. Вот так прямо взяли и растворились, как будто и не было их вовсе! Понимаете? Мир словно с ума спрыгнул. Знаете, я многое повидал на своем веку, но такого... Точно не скажу, как мне удалось выбраться наружу. То ли была полночь или хмурое утро — у меня голова кругом пошла от свежего воздуха. Потом я мало что помню. Кажется, просто побрел в степь, подальше от каменоломни... Над костром воцарилась тишина. Гробовое молчание, мрачные лица, скрытые тенью, тяжелые вздохи. Никто не знал, как реагировать на рассказ пришельца. Выждав какое-то время, я осторожно кашлянул в кулак и все-таки задал мучивший меня вопрос: — Скажи, но почему ты винишь в происшедшем именно мэтра? Должна же быть хоть какая-нибудь причина? Каменотес вытер рукавом покрывшееся испариной лицо: — Конечно есть, как без причин-то. И причины были и подозрения. Да я, между прочим, лично видел, как этот самый мэтр, будь он неладен, призывал отроковмрака, да простят меня вчерашние и сегодняшние боги. Водил руками и произносил слова на забытом языке. — И что же потом произошло? Какие начались изменения? Свет погрузился в тень? Приступ тошноты? Или удушья? А может быть, все кувыркнулось с ног на голову?! — не особо доверяя рассказчику, с нажимом уточнил я. — Вот это уж я не знаю, — нахмурился каменотес. — Я тогда со страху ничего и не разглядел. Но Григ-Хрипун рассказывал, что видел мэтра в глухой чаще, где тот занимался сбором незнамо каких трав. А когда ученый муж проходил мимо, он разглядел у него на шее сушеные крысиные лапки и змеиные хвосты-погремушки. А еще он поклялся, что различил струящийся по земле мрак... Так что, не убеждайте меня в обратном. Ученый муж и погубил всех нас, больше ведь некому. Не став спорить, я прекратил свои расспросы. Каменотес жил в плену предрассудков, и ни его вина, что все происходящее вокруг воспринималось им сквозь призму собственной дремучести. — Стало быть, никому кроме тебя не свезло? — предположил Ридрик-Ган. — А кто его знает, — прикончив наваристую похлебку, пожал плечами каменотес. — Может кому и посчастливилось... Могу сказать только одно — бригаду Парпера-беззубого так и заперло на правом нижнем ярусе. Внезапное молчание сменили осторожные перешептывания. Торговцы принялись живо обсуждать услышанное. — Так что ж ты молчал-то?! — рыжебородый резко вскочил со своего места и решительным шагом направился к лошадям. Северяне поддержали лидера призывным кличем. А вот пришельцу такой поворот событий явно пришелся не по вкусу. Побледнев и отстранившись от костра, он нервно замотал головой. — Нет, послушайте, вы чего это удумали? Лично я ни за какие сокровища не собираюсь возвращаться туда! Вы слышите? Это же настоящее безумие! Но рыжебородый только отмахнулся: — Нельзя помочь одному, наплевав на остальных! Клянусь высокогорными покровителями, если мы не вытащим оттуда твоих товарищей, все вокруг проклянут нас на веки вечные! — Да делайте вы что хотите, хоть к Хряпу в задницу, но только без меня! — облизнув жирные от еды пальцы, пришелец начал потихоньку отодвигаться от костра. — Вы просили — я рассказал, все честь по чести. Эх, да если бы знал, как вы собираетесь отблагодарить меня за мое сердце, слова бы не вымолвил. —

Внезапно его тон резко сменился. Упав на колени, он принялся жалобно причитать: — Прощу, добрые люди, не отправляйте меня в этот гиблый загон. — Всхлипнув он затих и с надеждой уставился на северян. — Хватит болтать! — не став слушать стенания каменотеса, Ридрик-Ган резко скомандовал: — Борби-Вон, Хирепс-Зим, Файли и Шлек, по коням. — Двое здоровенных торговцев подхватили рассказчика под руки и потащили к повозкам. — Не-е-ет! Не хочу-у-у! — завопил тот, но ему быстро заткнули рот. Затем, связав руки, перекинули через седло, и тогда он, наконец, смирился со своей участью и затих. Я тоже молча поднялся и стал собираться. Подхватил карабин, заплечную сумку и взял жеребца под уздцы. — А ты куда? — удивился рыжебородый. — Прогуляюсь с вами на ночь глядя, — заявил я, проверяя седло. Нера оказалась рядом и задержала меня в последний момент. — Дядя, зачем? Это ведь небезопасно! — Не волнуйся, — потрепал я ее по волосам. — Если какая тварь кружит по округе, то она сейчас где-то у каменоломни. А возле лагеря довольно спокойно. Так что, все будет хорошо. — Запрыгну в седло, я приблизился к уху племянницы и тихо произнес: — На всякий случай будь начеку. «Паралининиг» используй только в самом крайнем случае... Слышала меня, в самом крайнем случае... — Я передал ей сверток и, отсалютовав, последовал за рыжебородым. — Будь осторожен, — выкрикнула мне вслед Нера. И я отчетливо услышал ее увязшие в тумане слова, но оборачиваться не стал. Сентиментальность — еще одна черта характера, которая не приживается на планете. Осязай мир разумом, а не чувствами. Иначе не получится. Правда для этого порой приходится идти на необоснованный риск. И в данных обстоятельствах я выбрал наименьшее из зол. Отправься Нера со мной, она подвергла бы себя куда большей опасности, чем в лагере. Откуда такая уверенность? Не знаю, обычное чутье. Удивительное качество, даруемое отсталым миром. Сначала ты ужасно боишься действовать, вроде как в слепую, без оглядки. А потом — ничего, привыкаешь. И начинаешь двигаться вперед по какому-то странному наитию, делать выбор и выходить из сложной ситуации победителем. Единственное, что мешало мне слепо довериться случаю, так это одно золотое правило: удача благоволит, а не служит! И когда-нибудь она отвернется от меня тоже. Просто пока еще не настало мое время, вот и вся арифметика. Когда из-за возвышенности показались клубы черного едкого дыма, я заметил полный ужаса взгляд каменотеса. Заерзав в седле, он едва не свалился с коня, но крепкие руки северянина быстро вернули его на место. — Признайся, муренмук, ты же не из пустого благородства увязался за нами? — раздался громогласный голос Ридрик-Гана. — Обычное любопытство, ничего больше, — ответил я, не желая продолжать этот пустой разговор. Но рыжебородый привязался не хуже укус-колочки. — Любопытно было бы увидеть еще одного Пыльного странника в этих землях. Скажи, а разве членам вашего ордена позволено якшаться с мэтрами-чернокнижниками? — А разве такие существуют? — я сделал удивленное лицо. — Ну, ты же сам слышал, как каменотес поведал нам про... — Ты хочешь обсудить очередную дорожную байку? — уточнил я. Северянин призадумался: — Получается, ты не поверил ни единому его слову? — Я верю лишь тому, что размеры твоей смелости сопоставимы разве что с твоей глупостью, — наставительно произнес я. Ридрик-Ган натянул вожжи и резко остановил коня. — Да ты надо мной издеваешься! Мы уже миновали целую лигу, а ты мне такое заявляешь... Поворачивай-ка наз... Я быстро прикрыл его рот ладонью. — Цыц! Прекрати! Или ты забыл, что старые боги делают с трусами?! Рыжебородый быстро заморгал, словно пытаюсь припомнить заветы предков. — Но ты же сам сказал, что слова каменотеса... — Мои слова тоже всего лишь пустой звук. Да и стоит ли так слепо доверять какому-то пыльному страннику с драконьим

оружием за спиной? — ответил я и сильнее прищипорил коня.

*** Вокруг царил хаос. Разоренные и выгоревшие постройки, разбитые повозки, витающий повсюду привкус обреченности. От водяной башни остались лишь остовы стен и расколотая черепица. Но главное, не было видно людей. Ни одной живой души или бездыханного тела. Остановив коня возле наблюдательной вышки, которая зияла черными дырами бойниц, я взял горсть земли и потер ее в ладони. Запястье тут же откликнулось болью — механизм компаса работал безотказно. Изумруд на кожаном ремне сделался ярким, почти прозрачным. Я быстро сдвинул его в сторону и уставился на подрагивание стрелок. Нет, они не отклонились на градус или пол-оборота к полюсу. Все было гораздо хуже: их движение не поддавалось никакой логике. Основной указатель просто взял и сместился к Норду. На моей памяти подобное случилось лишь однажды, когда в Лейпстриг пришла Огненная чума, и десятки тысяч жителей в течение первой недели превратились в горы источающего ужасный смрад пепла. Быстрым движением я расстегнул кобуру и взвел курок. Так стало немного спокойней, но ненадолго. Следом за волнением разум запутался в липком, волнующем страхе. Однако эмоции, как я ни старался их скрыть, отразились на моем лице. — Что происходит?! — Помолчи, и не трепи языком, — приказал я рыжебородому. Внимательно осмотрев башню, прогнившие ворота, перекинутые через засыпанный ров, я осторожно продвинулся дальше. От преграды, предназначенной защищать каменоломню, осталось совсем немного — углубление в половину в человеческий рост и шириной в жалкие десять ярдов. Внешне — настоящие руины столетней давности. В проходе я остановился и медленно потянул ржавую петлю на себя. Противный звук иглой пронзил напряженную тишину. — Ничего не понимаю, — прошептал Ридрик-Ган, и его голос заметно дрогнул. — Что здесь произошло? Такое разорение за пару дней? Я только кивнул и не спеша двинулся дальше. Шаг, второй, третий... Внезапно резкий звук ударил в уши, заставив меня резко обернуться. Вниз, со стены, струилась длинная цепь, которая тянула за собой несколько искореженных ведер. Глухой удар, и на землю высыпалось их содержимое — белые отполированные до блеска черепа. Целая горсть, связанная между собой сгнившей веревкой. Возмутителя спокойствия долго искать не пришлось. Я едва удержался, чтобы не отвесить ему звонкую затрещину. Тощий и узкоплечий северянин, совсем еще юный, только начала пробиваться темная борода, виновато потупил взор. — Ну кто тебя просил ее трогать?! — вместо меня накинулся на него Ридрик-Ган. — Да она сама как-то, — послышались неуклюжие оправдания. — Все у тебя через одно место, Фарик-Сун! Оторвать бы тебе руки и утопить в отхожем месте! Рыжебородый показал ему здоровенный кулак. А потом убедил меня, что сам решит эту проблему. Я не стал возражать. Да и в целом мне было плевать. Пусть проявляют изрядное любопытство, разевают рты, делают что угодно. Только не путаются у меня под ногами. У ворот я внимательно прислушался к своим ощущениям. Стоит ли соваться в каменоломню, если все вокруг кричит об опасности?! А если все-таки рискнуть, то куда девать стоящих за спиной удальцов? Мне нужно искать ответы на интересующие меня вопросы, а не быть нянькой у пышущих бравадой неумех. — Никому не переступать черту! Слышали?! Если хотите, ждете меня здесь, но не дольше, чем до рассвета. А еще лучше, возвращайтесь в лагерь, — принял я быстрое решение и направился к башням. — А как же мы?... — попытался что-то пролепетать рыжебородый. — Вы приехали зачем — спасать? — уточнил я. — Так вот и спасайте себя. Кроме вас, — я покосился на черепа, — в помощи здесь уже никто не нуждается. — Мы лучше подождем, — нахмурившись, заявил глава торговцев. — Как пожелаете, дело ваше... Оставив северян в

раздумье, я вновь оказался возле двух округлых башен, которые равнодушно возвышались среди пустынных просторов. Руины — иначе не назовешь. Но именно в них, за иллюзорной чертой и пряталось нечто, сравнившее каменоломню с землей. Неприятный ветер ударил в лицо, заставив меня запахнуть высокий воротник. И хотя погода была прохладной, на лбу мгновенно выступила испарина — первый признак, что мои опасения не напрасны. Проведя каблуком линию на земле, я наставительно указал на нее пальцем. — Никому и ни при каких обстоятельствах не пересекать этот рубеж. Что бы ни случилось! Бегите куда хотите, но только не туда, — теперь моя рука была направлена в самый центр площади, где виднелись двух и трехэтажные крыши. Револьвер переключался из кобуры в руку, и я смело сделал шаг за губительную отметку.

*** В охоте всегда присутствует нечто сакральное. Наверное, все из-за крохотной, неуловимой мелочи, которая в один миг может превратить охотника в жертву, и наоборот. Но даже тогда исход противостояния будет тяжело предугадать. Заручись ты хоть поддержкой всех сорока богов. И неважно, какое оружие ты избрал — острый коготь или холодный металл, плевать! Гораздо важнее внутренний настрой. Кем ты ощущаешь себя? Жертвой или ее судьбой? Только как тут воодушевиться, когда впереди тебя кружит абсолютная неизвестность... Раньше, лет эдак сто назад, на планете устраивались настоящие облавы на дочерей мрака. Все как полагается: с криками, факелами и сворой голодных собак. Будто идут не на человека, а на дикого зверя, которого легче замучить и растерзать, чем убить на марше. Но всему рано или поздно приходит конец. И у этой дикой забавы наступил роковой час. Ведьмы просто взяли и перевелись. Перестали селиться на отшибе деревень или в лесных ухабах. Теперь творимое ими зло стало сродни незримому проклятию. Именно так и появились Взвизывающие из тьмы. По силе и сути вроде ведьмы, а по повадкам — осторожнее ночных грызунов. Их шумными набегами не возьмешь. Таких неделями по лесам выслеживай, хрен сыщешь. Они как лисы по норам, забьются и переждут. Только ведь зло, которое они творят, мелкое. Так открыто, как здесь, новые ведьмы себя не проявляют. Но даже если это так, то почему мне так неуютно? И почему так сильно воняет тухлой рыбой?.. Вопросы, вопросы, одни вопросы. Я словно младенец, только народившийся на свет. Меня поражает и удивляет любая новая деталь. Раньше существовали четкие признаки опознавания ведьм. Они переходили из года в год, а теперь все изменилось. И каковы новые правила этого мира, пока остается загадкой. А, стало быть, все начинай сначала. Наблюдай, запоминай, прислушивайся, в общем, действуй, ученый! Возле открытых складов и двух построек, напоминавших казарму, я осмотрелся. Пучки сухой травы колыхались на ветру, который весело завывал, гуляя меж каменных остовов. Осторожно заглянул в пустоту окна — огромные плиты в три яруса, а рядом выстроенные в ряд телеги и повозки. Но где же люди? Пусть обглоданные, растерзанные, изуродованные, хоть какие, неважно... Завернув за угол, я остановился, принюхался и вновь сверился с компасом. Стрелки немного поуспокоились, но все равно показывали невероятное присутствие мрака. И именно где-то здесь был его злосчастный эпицентр. Я не обнаружил ровным счетом ничего, хоть и досконально изучил все вокруг. И это продолжало меня терзать, порождая массу догадок и сомнений. Присев на одно колено, я приложил ладонь к земле и закрыл глаза. Опять никаких ощущений. Тогда я провел пальцами по крупным песчинкам, и неприятное предчувствие напомнило о себе, кольнув сквозь перчатку. Именно это ощущение заставило меня погрузиться в теплый песок и ухватить нечто плотное. Потянув это на себя, я извлек наружу берцовую кость, на которой болтался ошметок гнилой ткани. Неужели это все, что осталось от служителей

каменоломни? Осторожно вернул кость на песок возле каменной кладки, поднялся и внимательно прислушался к тишине. Слишком спокойно — ни случайных звуков, ни запаха, ни-че-го. Пусто. Я словно угодил прямиком в иллюзорный мир кружевниц. Но верить в возрождение подобной силы я категорически отказывался. Вокруг склада располагались жилые постройки, больше напоминающие выпотрошенные трюмы. Все перевернуто вверх дном, кругом крах и разруха. Я в очередной раз почувствовал постороннее присутствие. У последнего поворота я немного помедлил. Неприятные ощущения все-таки приобрели реальные очертания. Тень резко промелькнула между домов и устремилась в мою сторону. Еще секунда, и она окажется прямо здесь. Выставив револьвер, я резко вынырнул на встречу и нанес удар ногой. Вслепую, наугад. Но ботинок угодил во что-то осязаемое. — У кого-то слишком паршивый слух, как я посмотрю? — Я пытался его догнать! — потирая живот, ответил молодой северянин и нахмурил лоб. Видимо, мои слова задели его за живое. Но это было только начало. — Ты это серьезно? — Я почувствовал, как ненависть к представителям его народа разрывает меня изнутри. — Да как вы могли проворонить каменотеса? Только сейчас Фарик-Сун сообразил, какая ужасная новость вырвалась из его уст. — Мы отвлеклись, а он освободился и рванул сюда, за черту... Его голос оборвался, он шмыгнул носом и затих. — Кто кроме тебя попытался его изловить? — сурово поинтересовался я, заранее зная, что ответ мне не понравится. И мои опасения оправдались. — Конечно, мы кинулись за ним все как один, — очень тихо ответил северянин. В этот момент развалины ожили. С западной части каменоломни донесся протяжный звериный вой. Я выскочил на дорогу и заметил, как каменотес на четвереньках, словно загнанный зверь, двигается вдоль построек. Промелькнув возле склада, он мгновенно скрылся за высокой каменной башней. Злость вылилась в ругань, не забыв припомнить скверным словом неуклюжих северян и их недаленовидных богов, позволивших тем совершить подобную глупость. И лишь затем я пустился вдогонку за беглецом. Чем быстрее доберусь до этого перевертыша, тем меньше торговцев он утащит к себе в нору. Впрочем, шансов помочь северянам у меня не так уж и много. Сбежавший каменотес — это полбеды, или я бы даже сказал, четверть. Гораздо сильнее меня заботила та неведомая особа, что умудрилась изменить окружающую нас реальность. И если кому-то из северян все-таки удастся вырваться из ее коварных силков, я расщедрюсь, и подарю ему свою обласканную всеми девятью ветрами широкополую шляпу.

Иногда они возвращаются. Кульминация

Иногда они возвращаются. Кульминация.

Иногда они возвращаются. Кульминация. Третий труп я нашел возле северного входа в штольню. Все один к одному: торговец лежал на спине, а его челюсть и шея были свернуты в бок, словно у игрушки страхи, что мастерят в Речном Подданстве. Осмотр тела ничего не дал. Ни следов удушья, ни кровоподтеков, даже легких царапин. Никакого насилия в этой смерти нет и в помине. Быстрый взгляд коснулся песка. Тоже пусто. Следы отсутствовали в принципе. Ладно, что еще? И в этот момент на помощь пришла наука. Компас слегка вздрогнул, но не изменил высокого значения. Получается, убийца использовал магический удар издалека. Картина, наконец, начала складываться как пазл. И все равно, достаточно туманно. Что именно использовала ведьма: заготовленное заклятие или внутренние чары? Тоже не факт. Тогда, может быть, ловушка? Эта версия больше подходила к обстоятельствам. И как я ее упустил. Достав из кармана пару ржавых монет со стертым лицом наместника, который давно почил в могиле, я небрежно кинул их на песок. Самый эффективный способ уловить следы магических силков. Вначале монеты лежали спокойно, и я уже собрался было забрать их обратно, как внезапно позеленевшее брюхо одной слегка подскочило. Затем ее движение повторила вторая. И вскоре все четыре принялись прыгать, да так высоко, словно к нам приближался кортеж из тысячи лошадей. Тогда я нагнулся и, подхватив кругляши, воткнул их обратно в землю, но уже ребрами. На этот раз земля успокоилась, но ненадолго. Буквально через пару секунд песок забурился, вздыбился, и на нем стали проступать многочисленные черные следы. Резкий запах мочи ударил в нос. Да, что ни говори, а ловушка была сделана мастерски, хотя и на скорую руку, словно мрак для неведомой колдуньи был чем-то обыденным. И как бы я ни гнал от себя опасные мысли, факты вещь упрямая. То, с чем я столкнулся на каменоломне, никак не вписывалось в привычные законы здешнего мира. Если бы мне предложили на выбор, задержаться в этом гиблом месте или убраться на Сферу, я бы не раздумывая выбрал второе. Только, увы, все уже было предрешиено. Меня вели к какой-то неведомой цели, как шутовскую, сшитую из тряпок и лоскутов куклу. А мертвые северяне были для хозяйки этой игры всего лишь указателями. Ну а последней точкой должен был стать рыжебородый глава гильдии торговцев. Песчаная буря налетела внезапно, мгновенно погрузив мир в пучину призрачных очертаний. Дома расплылись бледным пятном, и я окончательно перестал ориентироваться в пространстве. Да и время тоже закружилось в безумии вихря. Защелкнув ворот и надев очки, я стал двигаться медленно, постоянно прислушиваясь к своим ощущениям. В глубине души крепла уверенность, что меня не тронут, пока не придет время. Только плох тот зверь, который оставляет надежду вырваться из ловушки. А ведь именно в ней я сейчас и находился. И ладно бы, если просто попал в яму, так ведь сам захлопнул сверху решетку и задвинул засов. Недалеко от меня, сквозь песчаный занавес, проступили очертания высокой, остроконечной башни. Ошибиться было невозможно — это сооружение располагалось как раз над центральным спуском в каменоломню. Разлом больше напоминал трещину, огороженную массивными каменными плитами. Я ловко запрыгнул внутрь и сбежал вниз по ступенькам. В полной мере ощутил ударившую в глаза темноту. Но это ничего, достаточно пары минут, и смогу различать даже мелкие детали. Отдышался, снял очки и подхватил масляную лампу, которая покачивалась на торчащем из стены крюке. Весьма предусмотрительно. Получается иду в правильном

направление. Кресало, искра, и вспыхнуло пламя. Приподняв фонарь над головой, я злобно оскалился и безрассудно шагнул в мрачную бездну. Знаете, я столько раз оказывался в подобных ситуациях, что давно перестал опасаться за собственную жизнь. Поэтому страх мгновенно улетучился, а его место занял жгучий азарт. Для многих перегринов со временем планета превращается в игровое поле, а охота на ведьм — в единственную забаву. И я не стал для этого правилом исключением. Вдоволь поохотившись на дочерей мрака, я очень быстро потерял интерес к изучению феномена ведьм. На смену науке пришел охотничий инстинкт. И вот, спустя добрый десяток лет, мне посчастливилось наткнуться на Взвизгивающую из тьмы. Уверен, что никто из моих коллег не сталкивался с чем-то подобным. Ведьма была сильна. Безумно сильна. И те признаки, что я успел изучить возле каменоломни, поразили меня до самой глубины души. Страх смешался с нарастающим желанием разгадать очередной феномен этого странного, застрявшего в средневековье мира. Я уже и забыл, как это здорово ощущать себя жертвой и охотником одновременно! Попав в первую залу, я наконец-то немного попривык к темноте. А вот с холодом совладать не получилось. Семь или восемь градусов пробрали меня до самых костей. И чем дальше я углублялся в лабиринт из широких коридоров, тем сильнее стыло лицо. Что это — природная особенность или очередная уловка здешней хозяйки? Почему-то я не сомневался в действии колдовства. Температура здесь не должна меняться ни при каких обстоятельствах. А вот силам мрака всегда было плевать на привычные законы физики. Когда дорога разошлась на два ответвления, я остановился и сунул фонарь в небольшую нишу. Извлек из кармана крохотную шерстяную нить. Моя старая знакомая, сколько раз она выручала меня в самых безвыходных ситуациях. Меня! — ведущего ученого третьего цикла Сферы по изучению средневековых истоков, который по всем канонам должен верить только в доказанные теории, а не довольствоваться сомнительными наветами. Только есть одно «но». Еще лет сто назад я познакомился с понятием магия. И совсем скоро осознал, на что она способна. Любая научная гипотеза меркла перед очевидным превосходством магии. Именно поэтому я намотал на палец обычную нитку, способную уберечь меня от прямого воздействия колдовства. Обычное онемение, а какой удивительный эффект. Что если дочьмрака решит, что я достаточно пожил на этом свете. Тогда у нее точно не получится заползти ко мне в голову. Шапочное безумие — довольно скверное заклинание. Сначала считаешь это каким-то наваждением, испытываешь легкое головокружение, а потом, бах! — и ты уже в ее власти. Что тебе прикажут, то и сделаешь. Если слишком болтлив — откусишь себе язык, а продолжишь сопротивляться — вырвешь глаза или вскрыешь брюхо собственными ногтями. Тусклый свет вырвал из мрака быстро удаляющийся силуэт. Неровной походкой он двигался зигзагом, словно лишившись равновесия. Я окликнул призрачное очертание. Незнакомец замер на месте. Выставив вперед револьвер, я поднял фонарь как можно выше. Конечно, свет не избавит меня от мандража перед неизвестностью, но уж точно поможет не промахнуться. Я подошел ближе, на расстояние вытянутой руки и громко, чтобы хорошо было слышно, произнес: — Хаарму ли граад, маруука! — Грубдааак, маренмук, — раздался тихий ответ. Теперь я смог разглядеть своего собеседника получше. Тощий, будто жердь, он имел невероятно длинные руки, которые больше напоминали сухие ветки. Широкая голова с торчащими ушами и редкими волосками была сродни спутанной паутине. Из одежды на нем болтались лишь рваные лоскуты и тряпки. — Руууфа галза, бленка! — продолжил я гнуть свою линию. — Фааарук, градзьь! Тянуть больше не имело смысла. Выставив ствол, я направил его в затылок мертвеца. Разговор затягивался, а любая беседа с исчадием не

добавляет шансов охотнику выйти из нее победителем. Костлявые плечи проводника мелко затряслись, и коридор наполнился странным, протяжным хрюканьем. Мертвец изволил смеяться. Что ж, пускай, я не стану ему мешать и отплачу той же монетой, но чуточку позже. Терпеливо подождал пока безликий насладится эмоциями. Наконец, он остановился и зло рявкнул: — Твой путь подходит к концу, странник. Огонь! Выстрел хлестко ударил в спину. Но еще до того, как пуля нашла цель, фигура мертвеца распалась. Летучие мыши устремились в разные стороны, и уже через секунду я остался в гордом одиночестве. Проводник исполнил свое предназначение — приоткрыл завесу, породив еще больше недосказанности. В конце коридора обнаружилась массивная дверь с тяжелыми замками и широкими распорками засовов. Я осторожно проверил механизм, который после непродолжительного напряжения все-таки поддался моему усилию. Раздался протяжный скрип, и проход открылся. В нос ударил ужасный запах затхлости. Хотя в этом не было ничего удивительного: крохотная комната была до отказа заполнена висельниками. Целые грозди мумифицированных тел, подвешенных за ноги к крюкам на потолке. Я остановился на пороге и сначала убедился, что узники действительно мертвы. Уже было собрался захлопнуть дверь, когда заметил небольшой рычаг. Нечто неуловимо знакомое пронеслось перед глазами. Осторожно потрогал рукоять, на конце которой красовалась эмблема — костер и черная маска с клювом, неизменный знак инквизиции. Запустил механизм. Цепи пришли в движение. Застывшие шестеренки разразились протяжным треском и безжизненные тела зашевелились. Смертельный хоровод поплыл в неспешном танце. Деревянная люстра в виде креста, заключенного в круг, приспустилась вниз и закружилась по часовой стрелке. Когда цикл завершился, я задумчиво вернул рычаг в исходное положение и повторил все заново. Где-то в голове крутилась одна не дающая покоя мысль — мне все это знакомо. Слишком хорошо, чтобы быть обычным мороком. Указательный палец запульсировал сильнее, словно соглашаясь с этим суждением. Ведьмины уловки тут были совершенно ни при чем. Она не стала пытаться заползти ко мне в голову, а просто решила воззвать к давно забытым воспоминаниям. Вернувшись обратно в коридор, я заметил, что от подземных стен каменоломни не осталось и следа. Неровности вытянулись, образовав ровные прямоугольники кладки. Путь осветил ровный ряд притороченных к кольцам факелов. Я точно был здесь раньше. Возможно очень давно, еще в прошлой жизни. Хотя, к сожалению, даже моя прошлая жизнь была прочно связана с этой ненавистной планетой. Я развернулся и уже было собрался вернуться на поверхность, но вместо коридора уткнулся в каменную стену. Обратная дорога исчезла. Иллюзия все сильнее поглощала мое брненное тело. Вокруг витал призрачный туман, обволакивая своими лапами, которые царапали израненную душу. И почему-то я был уверен — это только начало кошмарного представления. Ведьма не собирается даровать мне скорую смерть. Нескончаемое мучение — вот что ей нужно! Память возвращалась не сразу, а постепенно, яркими вспышками, будто я забрался на старый чердак и совершенно случайно обнаружил давно потерянный хлам. Но главное, я теперь припомнил название этого гребаного чердака! Орден Честолюбия и Благочестия, обитель Неутомимого противоборства, Кошмарная давилка воли... У этого места было множество названий, но самое первое, а потому самое правильное, помнили немногие. Цитадель истинного обличия — кажется так его нарек кардинал Люциус-Уверенный. Он был мудрым человеком и желал изменить этот мир к лучшему. Но как известно, даже самую замечательную идею можно испоганить до неузнаваемости. Именно это и случилось с цитаделью Истины. В попытке побороть зло, инквизиторы зашли слишком

далеко. Не стоит даже вспоминать те изуверства, что видели эти мрачные стены. Достаточно отметить один примечательный факт: местных служителей, даже самые верные приверженцы благочестия за глаза называли живорезами. Я медленно двигался по широкому коридору с арочным потолком, и факелы вспыхивали ярким светом в такт моим шагам. Напряженно вглядываясь в полумрак, я пытался предугадать действия Взирающей. Но все мои попытки, по сути, оказались тщетны. Потому что классифицировать наведенный ведьмой морок было абсолютно невозможно. Какой бы силой она ни обладала, создать такое количество зрительных образов разом — это уж слишком даже для колдуньи десятого порядка! Когда достиг очередной развилки, я остановился и прислушался к тишине. Густая темнота опутала два узких прохода. Один уходил вверх, а второй, как и полагается, терялся где-то в недрах подземелья. Я попытался осветить себе дорогу, хотя бы на пару ступенек, но маслянистая пустота стеной встала на защиту своих владений. Настойчиво выставив светоч, я услышал неприятный треск. Стекло фонаря пошло паутиной, и крохотный огонек внутри испуганно заметался по кругу. Одернув руку, я заметил на ней широкий рубец. Только выглядел он как давно забытое воспоминание — бледный, с засохшими краями и тонкой пленкой в глубине раны. — Стало быть, не пускаешь меня? — обратился я непонятно к кому. Но ответ все-таки последовал. Странное улюлюканье, сопровождаемое протяжных воем. Ждать пришлось не очень долго. Уже через пару секунд тьма попятилась в проем, ведущий наверх. Именно там появилась знакомая фигура каменотеса. Правда узнать его в истинном облики оказалось не так-то легко. Тощее тело вытянулось почти в струну, а задние ноги сложились в обратном направлении, словно у кузнечика. Но самое большое изменение претерпело лицо — фасеточные глаза, ввалившийся нос и зашитый нитками рот. Похоже, ведьма предпочитала держать при себе молчаливых слуг. Каменотес дождался пока я поставлю фонарь на землю и резко прыгнул на потолок. Теперь он взирал на меня сверху вниз, нелепо свесив голову. — Следуй за молчаливым кузнечиком, — перефразировал я выражение из одной очень известной старой сказки. — Ну что, веди меня к своей хозяйке... Фасеточные глаза сузились, потом вновь расширились, и слуга резко рванул вглубь коридора. Только вот я не спешил идти у него на поводу. Если уж погружаться в омут с головой, то надобно хотя бы прочесть перед этим спасительную молитву. Я покопался в дорожной сумке и извлек оттуда блестящие остроконечные патроны. Те, что годились для обычных людей, мы оставим на потом. Здесь нужен был иной набор. Сначала перезарядил револьвер. Затем принялся за обереги. На первый взгляд они выглядели как ничем непримечательные безделушки, но на деле были весьма эффективными средствами против влияния мрака. Начал я с шафрана — растер им руки, так чтобы запах стал устойчивым. Затем съел пригоршню сушеных фиников. И в конце зажал зубами старую монету. Предрассудки? Возможно. Но именно эти вещи в далеком Арбаде спасли мне жизнь, когда я ловил одного одичалого смрада. К тому времени, когда я напал на его след, он успел загрызть почти половину местных добровольцев-охотников и двух служителей святой обители. Впрочем, тогда было намного проще. Я был молод и способен испытывать страх. Именно он делал меня осмотрительным, заставляя обращать внимание на любые, даже самые незначительные мелочи. Что же случилось со мной за эти годы? Неужели я растерял все чувства по дороге? Наверное, так оно и есть. Перегрины в этом вопросе слишком опрометчивы. И ничего с этим не поделаешь. Нам безумно тяжело принять техническую ущербность этого топчущегося на месте мира. Но еще тяжелее попытаться осознать тот факт, что колдовство здесь поважнее всех научных открытий вместе взятых. И именно в этом наша основная ошибка... Лестница

вела ни вверх, а вниз. Как такое может быть? Если руководствоваться логикой, можно сломать голову. А если взять на веру законы планеты, получишь очередную иллюзию. Неизвестно какая по счету, но довольно искусная. Сначала я поднимался по ступеням, но вдруг следующая опора ушла из-под ног, и я передвигался уже в другой плоскости. А обернувшись, обнаружил, что все это время шел вниз. Слуга перемещался короткими перебежками. То резко рванет, то остановится и ждет меня, застыв будто изваяние. Но на последнем отрезке он внезапно совершил прыжок и исчез между стен. Видимо, его миссия подошла к концу, но он решил не объявлять об этом во всеуслышание. Перед широкими резными дверями я остановился и несколько раз постучал массивным кольцом, которое выступало из носовой части оскалившегося волка. Секунда, и створки разъехались в стороны. По бокам от двери застыли двое угрюмых инквизиторов. Учтиво поклонившись, они так и не распрямили свои спины. Зал был узкий, со множеством пузатых колонн, стрельчатыми арками и потрескавшимися фресками, которые украшали серые стены. Привратники быстрым шагом, все в том же согнутом состоянии, перемещались вдоль колонн. Я последовал за ними. Дошел до середины зала и устоялся на широкий металлический трон, утыканный острыми иглами шипов. — Рваанге фиолссе, моренмук, — раздался чей-то властный голос. Я покорно прошел вперед и только сейчас окончательно зацепился за воспоминание. Что-то кольнуло в груди. Знакомое место. Настолько знакомое, что мороз пробежал по коже, а к горлу подступил неприятный ком. Иногда человек упрямо сторонится своего прошлого. Но в большинстве случаев он стремится его сохранить любой ценой. Картины, фото, звуки, записки или простой разговор. Так это происходит в обычном мире. Но только не на Отсталой планете, которая и здесь продемонстрировала свою оригинальность. Давно забытый день ворвался в меня острым уколом боли. Невозможно было поверить, но одна из дочерей мрака, которую я предал праведному суду, вернулась в этот грешный мир, словно огненный феникс, восставший из пепла. Внутренняя дверь, которую обычно использовали для слуг, медленно распахнулась. В зал ввели юную деву. Следя за мрачной процессией, я видел, как инквизиторы начинают ужасный ритуал очищения. Тогда, много лет назад, я отказался выступать наблюдателем этих зверств, но сегодня мне вновь предоставили такую возможность. Правда на этот раз без права выбора. Юную деву подвели к трону и освободили от грубых, режущих кожу веревок. Она провела ладонью по рубцам на запястье и с отвращением покосилась на острые поручни. Стриженная голова недовольно дернулась, и дева отступила в сторону, словно не веря во все происходящее. Какой бы невозмутимой не выглядела эта ведьма, страх уже давно сковал ее своими липкими колючими сетями. И предстоящие страдания вынуждали ее соглашаться на любые унижения, лишь бы избежать кровавого очищения. Я всем сердцем ощутил нарастающий ужас. Ведьма упала на колени и, сложив ладони лодочкой, попыталась вымолить прощение. Но живорезы были непреклонны. Схватив ее под руки, они усадили несчастную на трон и затянули широкие ремни на запястьях. Она кричала, сопротивлялась, но было слишком поздно. Пыточный механизм уже привели в действие. Белая холщовая рубашка, в которую была облачена колдунья, окрасилась алым. Исказившееся от боли лицо, вопли проклятий и монотонный голос инквизитора, зачитывающий перечень прегрешений. Все это растворилось в тишине. Воспоминания слились с увиденным воедино, заставив ощутить некую опустошенность. Ведьма добилась нужного эффекта. Grimаса боли сменилась хищной улыбкой. Ее спина распрямилась, и теперь она гордо восседала на колючем троне, будто и не чувствовала боли. Скинув балахоны, инквизиторы разоблачились,

встали по правую и левую руки от хозяйки. С одной стороны — каменотес, с другой — проводник без лица. Он все-также показывал мне свою сторбленную спину, рваные лоскуты одежды и застарелые раны. Все что угодно, только не лицо. — Добро пожаловать ко мне в гости, муренмук, — довольная собой произнесла ведьма. Сильнее стиснув монету, я успел подумать, что увиденное мной никак не может быть правдой. И собеседница тут же ухватилась за эту мысль. — Зря ты так думаешь, моменраг. В этом мире возможно все! И знай, что теперь будет иначе! — Каменотес и Безликий принялись тихонько хихикать. Один — немного пофыркивая, второй — изрыгая хрипы и свист. Уняв внутреннюю дрожь, я медленно поднял револьвер и направил его на ведьму. — Очень своевременно, пыльный странник, — улыбнулась она, обнажив окровавленные зубы. — Только даже твое оружие не сможет остановить нас. Начало положено! Понимаешь? И ни тебе, ни твоим братьям, сошедшим с небес не искоренить новое войско Всевышнего. Я слегка придавил спусковой крючок, смех тут же прекратился. — Хочешь попробовать? — удивилась колдунья. — А ведь я была о тебе лучшего мнения... Выстрелы разнеслись по залу и отразились от стен глухим эхом. На лбу ведьмы образовалась маленькая точка, из которой медленно засочилась кровь. Остальные пули достались проводникам. Багровая струйка потянулась вниз к переносице и закапала на белоснежную рубашу. Ведьма смахнула каплю, попробовала ее на вкус и удовлетворенно кивнула. — Я расцениваю это как ответ, — ее глаза блеснули в темноте. — Решил помериться силами, муренмук? Хорошо, я принимаю твой вызов. Но учти, наш мир изменился. И теперь мы не будем безропотно наблюдать, как люди со звезд диктуют нам свои условия. Мы стали другими, и скоро ты почувствуешь это на своей шкуре. Вместо ответа я снова нажал на спусковой крючок. Прекрасно понимал, что это ничего не изменит. Просто сдали нервы. Но на это раз эффект оказался иным: никаких следов, никаких последствий. словно я стрелял холостыми или того хуже, изобразил выстрел голосом. Ведьма медленно встала и одарила меня пренебрежительным взглядом, словно перед ней оказался склизкий червяк. Резко хлопнула в ладоши. Верные слуги сдернули бурый занавес, который висел за ее спиной, и моему взору открылись первые жертвы новой войны. На огромных деревянных кругах были распяты двое: мэтр Барбара Учтивец и пилигрим Вацлав Тропарев. Ужасное зрелище заставило стиснуть зубы. Из ладоней и коленей несчастных торчали шляпки гвоздей, а животы были выпотрошены, как у рыб. Заметив мой полный ужаса взгляд, ведьма только улыбнулась и направилась к выходу. У высоких резных дверей она остановилась и не оборачиваясь произнесла: — Не стой на месте, муренмук, охота на Лунных бродяг уже началась. Но тебе уготована особая роль — оказаться в арьергарде этого чествования. Увидеть многое, но не все. Ощутить боль, но не собственную...

[Купить полную версию книги](#)